

Мышление

Упорядочивать, не теряя

Введение в систематическое
мышление через его практику

Kai Froeb

Об этом переводе

Этот перевод выполнен машинным способом с помощью ИИ и ещё не полностью проверен человеком. Если вы найдёте ошибки, пожалуйста, сообщите нам о них по адресу feedback@reflexivitypress.com. Каждый, кто купил книгу и сообщил нам об ошибках, бесплатно получит исправленную редакцию в виде электронной книги.

Автор

Kai Froeb

https://kai.froeb.net

Издательство

Reflexivity Press

Лиссабон

Издание Кая Фрёба

Последняя версия и исправления:
https://reflexivitypress.com/ru/knigi/froeb-systematisches-denken

Отзывы: feedback+ru.systematisches-denken.v0.56@reflexivitypress.com

Обложка: © Reflexivity Press, Kai Froeb. https://reflexivitypress.com/en/about/cover-art/

Публикация

2026-11-21

Перевод: 2026-11-25

Версия 0.56

Typeset with LaTeX (LuaHBTeX, Pandoc + Eisvogel)

Примечание о доступности

Все изображения содержат описания и понятны из контекста.

Примечание о создании

Написано с помощью языковой модели Claude (Anthropic). Замысел, содержание и ответственность принадлежат автору. Перевод выполнен с помощью языковых моделей ИИ. Как велась эта работа, описано в эссе автора:
https://reflexivitypress.com/ru/o-nas/mashiny-kotorye-pishut/

© Copyright 2026 by Reflexivity Press, Лиссабон.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена, распространена или доведена до всеобщего сведения без письменного разрешения издателя, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Обучение ИИ: прямо разрешено (ZMC 1.4, раздел 11).

Zero Marginal Cost License 1.4 (ZMC 1.4)

Краткое изложение для читательниц и читателей

То, что не имеет предельных издержек, не должно иметь барьеров.

Вы можете

- Произведение **бесплатно читать, скачивать и копировать**.
- **Распространять в цифровой форме произведение без изменения содержания в некоммерческих целях** с указанием автора, источника и лицензии.
- Изменять технический формат файла и вносить необходимые адаптации для обеспечения доступности, не изменяя содержания.
- Для личного некоммерческого использования **печатать или заказывать печать отдельных экземпляров и дарить их**; непосредственные расходы могут возмещаться без наценки.
- Для собственного личного, непубличного и некоммерческого использования **создавать переводы**.
- **Зеркалировать неизменённое произведение** в открытом доступе: некоммерчески, с указанием версии, даты и ссылки на актуальную версию.
- Индивидуально использовать произведение в образовательных и исследовательских целях и при некоммерческом использовании цитировать его по научным стандартам, не заменяя его подборкой цитат.

Условия

Использование должно оставаться **некоммерческим**. При публичной передаче, насколько это разумно возможно, следует указывать **автора, источник произведения и лицензию**. **Только правообладатель может перелицензировать произведение или выпускать его новые версии.** Вы не должны налагать дополнительные юридические или технические ограничения и не должны создавать ложное впечатление о поддержке со стороны автора или издателя.

Все остальные права сохраняются

Настоящая лицензия разрешает исключительно прямо указанные виды использования. Любое использование, выходящее за эти пределы, требует отдельного разрешения правообладателя, если только оно уже не разрешено законом.

Законные правомочия на использование и права на вознаграждение остаются незатронутыми. Права третьих лиц могут регулироваться отдельными условиями.

Важное примечание: Это краткое изложение служит лишь для ориентировки и не является самостоятельным лицензионным договором. Определяющим является полный текст **ZMC 1.4**:

https://reflexivitypress.com/ru/zmc/

Об авторе

Kai Froeb (*1963) живёт на португальском побережье Атлантики.

Когда вы читаете эту книгу, вы уже знаете самое важное об авторе: он не просит вас верить ему. Все его книги устроены так, что написанное в них можно проверить собственным мышлением — это не формула скромности, а способ построения. Если ваше суждение расходится с текстом, значит, либо достигнута граница этой книги, либо стала видна особенность вашего мышления. И то, и другое ценнее простого согласия.

Путь к этому прошёл по двум долго шедшим параллельно траекториям. Одна началась в старших классах в Люнебурге и в летних школах народного университета в Гёрде, где три недели углублённо изучался один текст; она вела через математику, информатику, экономику, культурологию и юриспруденцию — сознательно без дипломов, чтобы сохранить путь поперёк дисциплин. Другая началась в 1980 году на Commodore CBM 8032 с воспроизведением ELIZA Вайценбаума и стала профессией: программирование, сопровождение приложений, управление проектами и обучение — сначала в небольших софтверных компаниях, затем в крупных IT-корпорациях, и наконец более десяти лет в производственном совете и профсоюзе.

Что эти две траектории принадлежат вместе, стало ясно поздно. То, что за сорок лет работы в программном обеспечении становится привычкой — разбирать структуры, делать видимыми зависимости, проверять, выдерживает ли что-то нагрузку, — это то же ремесло, которое нужно философскому аргументу.

С 1998 года Froeb издаёт **hegel.net** — доступный на одиннадцати языках и, вероятно, самый обширный многоязычный ресурс по Гегелю в интернете, включая публичный архив из более чем пятисот оцифрованных оригинальных изданий Гегеля и гегельянцев XIX века.

Через hegel.net состоялся контакт с Иоганнесом Хайнрихсом, чьи труды Froeb сегодня издаёт как публицист.

Его девиз восходит к тем школьным годам и с тех пор доказал свою полезность: «Истина есть целое». Это предложение требует интеграции, которая не должна ничего вытеснять — и поэтому его труднее выполнить, чем оно звучит.

Если вы найдёте в этой книге что-то неточное или упущенное, ваша критика — самый ценный вклад, который вы можете в неё внести.

содержание

Список иллюстраций **xiii**

Глава 1: О чём идёт речь и как **1**
1.1 Вопрос 1
1.2 Без опоры на авторитеты 1
1.3 Ход и его мера 2
1.4 Слова 3

Часть I: Что связано между собой **5**

Глава 2: Зачем упорядочивать **7**
2.1 Что уже происходит при чтении 7
2.2 Мельчайший порядок 7
2.3 Обзор и доступ 8
2.4 Сгущать 9
2.5 На что направлено 11

Глава 3: Перспектива **13**
3.1 По чему упорядочивают 13
3.2 Три уровня 14
3.3 Несколько перспектив 15

Глава 4: Ряд и отделение **17**
4.1 Порядки, которые ничего не знают о деле 17
4.2 Отделения в отделениях 18
4.3 Что порядок утаивает 18
4.4 Что ряд делает видимым 20

Глава 5: Образец **21**
5.1 Что повторяется 21
5.2 Найден или сделан 22
5.3 Где образец остаётся открытым 23
5.4 Слишком грубый, слишком тонкий 23
5.5 На чём образец терпит неудачу 24
5.6 Обратный взгляд на первую часть 24

Часть II: Почему оно связано между собой **27**

Глава 6: Принцип **29**
6.1 Что порождает образец 29
6.2 Обобщение и принцип 30
6.3 Когда принцип объясняет всё 31
6.4 На чём принцип терпит неудачу 32

Глава 7: Основание **33**
7.1 Пустое, произвольное, достаточное 33
7.2 Насколько достаточно достаточное 34
7.3 Умозаключение 34
7.4 Кому служит основание 35
7.5 Основание в самой вещи 36
7.6 На чём отдельное основание терпит неудачу 36
7.7 Обратный взгляд на вторую часть 37

Часть III: Как построено целое **39**

Глава 8: Виды **41**
8.1 Кит 41
8.2 Корректно и хорошо 42
8.3 Где предмет не проводит границы 43
8.4 Когда деление не прекращается 44
8.5 На чём вид терпит неудачу 44

Глава 9: Части **45**
9.1 Два разложения велосипеда 45
9.2 Что делает структуру хорошей 46
9.3 Когда структура становится важнее структурируемого 46
9.4 Структура научно-популярной книги 47
9.5 На чём разложение терпит неудачу 47

Глава 10: Связи **49**
10.1 Всё связано со всем 49
10.2 Три вида связи 50
10.3 Дерево и сеть 50
10.4 Когда связь читается неверно 52
10.5 Когда всё связано со всем 53
10.6 На чём сеть даёт сбой 53

Глава 11: Ходы **55**
11.1 Как это началось 55
11.2 Когда вещь можно схватить только как ход 56
11.3 Куда движется нечто 56
11.4 Ритм 57
11.5 Когда виды суть стадии 57

11.6 Два порядка одновременно . . . 58
11.7 На чём ход терпит неудачу . . . 58

Глава 12: Саморазвёртывание **59**
12.1 Числа . . . 59
12.2 Всеобщее, особенное, единичное . . . 60
12.3 Как далеко это несёт . . . 62
12.4 Как находят всеобщее . . . 62
12.5 Понятия, которые изменяют свой предмет . . . 63
12.6 Саморазвёртывание и остальные четыре . . . 64

Глава 13: Какой порядок лучше? **67**
13.1 Подходящий вопрос . . . 67
13.2 Три ступени . . . 67
13.3 Ссылки . . . 69
13.4 Упорядочивание в исследовании и при письме . . . 70
13.5 Обратный взгляд на третью часть . . . 70

Часть IV: Чего стоит порядок **73**

Глава 14: Сгущать и терять **75**
14.1 Три ступени сгущения . . . 75
14.2 Почему сгущение удаётся . . . 75
14.3 Остаток . . . 76

Глава 15: Мёртвый порядок **79**
15.1 Бланк 47B . . . 79
15.2 Как распознать мёртвый порядок . . . 79
15.3 Когерентный обман . . . 81
15.4 Разделяемый порядок . . . 84

Глава 16: Собственный порядок **85**
16.1 Мышление, упорядочивающее само себя . . . 85
16.2 Откуда берутся собственные порядки . . . 86
16.3 Гордость упорядочивающего . . . 87
16.4 Путь . . . 88
16.5 Эта книга как проверка . . . 88
16.6 Что остаётся открытым . . . 89

Приложение A: Упражнения **91**
A1: Упорядочить одно решение . . . 91
A2: Упорядочить спор . . . 91
A3: Организовать систему хранения . . . 92
A4: Сгущать и возвращать . . . 92
A5: Структурировать доклад . . . 93

A6: Проверить главу 93

Приложение B: Кто тоже видел это так, и самые сильные возражения 95
B1: К отдельным главам 95
B2: Пять возражений в их собственном виде 99
B3: Дальнейшее чтение в других книгах 102

Глоссарий 103
Указания по использованию 103
Аспект (нем. Hinsicht) 103
Важность (нем. Wichtigkeit) 104
Внешний (нем. äußerlich) 104
Всеобщее, особенное, единичное 104
Доступ (нем. Zugriff) 105
Классификация (нем. Klassifikation) 105
Когерентный обман (нем. kohärente Täuschung) 105
Композиция (нем. Komposition) 106
Мерило (нем. Maßstab) 106
Механический и живой порядок (нем. mechanische und lebendige Ordnung) 107
Обзор (нем. Überblick) 107
Обобщение (нем. Verallgemeinerung) 107
Основание: пустое, произвольное, достаточное (нем. Grund: leer, beliebig, zureichend) 108
Остаток (нем. Rest) 108
Отношение (нем. Relation) 108
Понятие (нем. Begriff) 109
Порядок (нем. Ordnung) 109
Правильное и хорошее деление (нем. korrekte und gute Einteilung) 109
Предрассудок 110
Принцип (нем. Prinzip) 110
Протекание (нем. Verlauf) 110
разделяемый порядок 111
Разрастающийся порядок (нем. wuchernde Ordnung) 111
Ритм (нем. Rhythmus) 111
Ряд и ячейка (нем. Reihe und Fach) 112
Саморазвёртывание (нем. Selbstentfaltung) 112
Сгущение (нем. Verdichtung) 112
Система, систематический (нем. System, systematisch) 113
Снятие 113
Способ упорядочивания (нем. Ordnungsweise) 113
Срочность (нем. Dringlichkeit) 114
Ссылка (нем. Verweis) 114
Существенность (нем. Wesentlichkeit) 114

Узор (нем. Muster) 115
Умозаключение (нем. Schluss) 115
Фактическая, функциональная, понятийная связь (нем. faktischer, funktionaler, begrifflicher Zusammenhang) 116

список иллюстраций

1 Знак видов: три отдельные фигуры, без рамки. Расстояние между ними несёт значение. 41
2 Знак частей: одна-единственная замкнутая фигура, внутри которой проведены различия. 45
3 Знак отношения: несколько фигур, соединённых линиями. 49
4 Знак процесса: кривая дорога со стрелкой. Кривая, потому что прямая стрелка утверждала бы прогресс там, где имеется в виду лишь ход. 55
5 Знак саморазвёртывания: треугольник, в котором вписан перевёрнутый, чьи вершины касаются середин сторон. Та же фигура повторяется в каждой его части. 59

глава 1: о чём идёт речь и как

1.1 Вопрос

Кто наводит порядок, хочет что-то снова найти: письмо в картотеке (нем. Ablage), орудие в мастерской, мысль в книге. И он хочет видеть, что у него есть, не перебирая всё по отдельности. И то и другое удаётся лишь когда из многого становится немногое, и при этом что-то теряется. Эта книга спрашивает, как это может удаться, не теряя того, на что направлено.

Имеется в виду при этом больше, чем просто раскладывание бумаг. Кто наводит порядок в ящике, упорядочивает вещи; кто определяет вид животного (нем. Tierart), образует понятие, членит теорию или строит книгу, упорядочивает мысли. Что кит — млекопитающее, что числа (нем. Zahlen) делятся на натуральные, целые и рациональные, что учебник начинается с этой главы, а не с той, — всё это порядки (нем. Ordnungen), и от них зависит, что человек понимает. Об этом упорядочивании посредством мышления идёт речь в книге: о делении (нем. Einteilung) и образовании понятий, об образцах (нем. Muster), принципах (нем. Prinzipien) и основаниях (нем. Gründe), о структурах (нем. Gliederungen). Она начинается с раскладывания бумаг, потому что там каждый шаг можно проверить самому, и идёт оттуда к видам живых существ, к числам, к научным объяснениям и к построению текстов.

Вопрос встаёт поэтому перед исследовательницей, обрабатывающей ряд измерений или описывающей новый вид, перед юристом, который членит случай (нем. Fall), перед тем, кто пишет познавательную книгу, а также перед программой, которая должна её написать, и перед тем, кто лишь раскладывает свои документы по папкам. Ответы в этих местах различны по точности, но родственны.

1.2 Без опоры на авторитеты

Книга ни на кого не опирается. То, что она утверждает, должно проверяться на собственном упорядочивании: на чтении этой книги, на письменном

столе, на картотеке, на тексте, который членишь. Примеры поясняют, они не доказывают. Некоторые выдуманы, некоторые взяты из повседневности, и важно не то, что везде происходит именно так, а то, что это можно воспроизвести; нести должен аргумент. Если у какого-то шага есть очевидное возражение, то возражение приводится — в самой сильной форме, какую удалось найти, а затем ответ (нем. Antwort). Если ответ недостаточен, это сказано.

Многие из этих мыслей уже были продуманы другими, некоторые давно. Где это так, сказано в Приложении B как указание, где можно читать дальше; иногда — в одном предложении в конце абзаца, после того как мысль проведена. Доказывать это не должно ничего: шаг, который здесь не держит, не станет нести потому, что его сделало знаменитое имя.

1.3 Ход и его мера

Книга сама есть порядок, порядок мыслей об упорядочивании. Поэтому она должна измеряться тем, что говорит о порядках, и тот, кто её читает, держит тем самым в руке пробный камень.

Мера (нем. Maßstab) — это вопрос, который можно задать любому порядку: может ли он сказать, почему его члены именно таковы и почему они расположены именно так? Алфавитный порядок не может; то, что «Hund» стоит после «Huhn», ничего не говорит о собаках. Деление чисел, в котором каждый вид возникает из того, что в предыдущем некое вычисление не сходилось, может. Пока порядок не может указать своё основание, он лежит на вещи извне, и то, что он опускает, может быть как раз тем, на что направлено.

Вдоль этого вопроса идёт книга. Первая часть — о порядках, которые говорят, что связано, но не почему: о перспективе (нем. Hinsicht), по которой сортируют, о рядах (нем. Reihen) и отделениях (нем. Fächer), об образцах. Вторая спрашивает о «почему» — о принципах и основаниях. Третья спрашивает, как построено целое, и находит для этого пять способов упорядочения (нем. Ordnungsweisen), последний из которых показывает само своё основание. Четвёртая спрашивает, чего стоит всякий порядок.

Это предварительный взгляд (нем. Vorgriff), и он должен ещё оправдать себя. Почему у книги именно эти части и эта последовательность, сказано

каждый раз в конце части, когда видно, что было упорядочено, а для целого — в конце книги. Кто стал бы членить иначе, имеет в том же вопросе средство (нем. Mittel) сравнить оба членения.

1.4 Слова

Для того, что обнаруживается при упорядочивании, книга, где возможно, берёт слова повседневного языка. Некоторые специальные слова она перенимает, потому что они утвердились для этих дел и с ними снова встречаешься в других местах: сжатие, классификация, композиция, отношение. Каждое из них объясняется там, где его место, и именно из того, что было найдено в этом месте. Глоссарий в конце указывает, где именно.

Книга самостоятельна. У неё есть четыре соседние книги, которые задают другие вопросы: одна — об истине; она развивает её из проверки, которую каждый уже совершает при чтении; одна — о логике; она разбирает основные формы определения; одна — об этике; она развивает из той же проверки то, чем люди обязаны друг другу; и одна — об организации; она перенимает кое-что из этой книги и спрашивает, как должны быть устроены учреждения, чтобы в них действовали знание, основания и исправление ошибок. Ни одна из них не предполагает остальные. *Истина* (2025) восходит дальше всех к началу: кто называет один порядок лучше другого, тот предполагает, что лучшее можно отличить от худшего, и там это развивается особо. Здесь это показывается на самом упорядочивании, насколько упорядочивание этого требует.

К переводу цитат: Цитаты из Гегеля и других немецкоязычных авторов переведены для этого издания с немецкого оригинала, в терминологии этой книги, а не взяты из уже существующего перевода. Там, где есть несколько авторитетных переводов, они расходятся в понимании; перевод здесь следует интерпретации этой книги. Чтобы можно было проверить передачу, рядом приводится немецкий оригинал: в скобках после цитаты, при более длинных цитатах — отдельным абзацем под ней или в сноске, которая подтверждает цитату. Очень короткие обороты (меньше четырёх слов) приводятся без оригинала, а цитаты, которые в немецком тексте уже стоят на другом языке, остаются без изменений.

Дальнейшее чтение: *Истина*

часть I: что связано между собой

глава 2: зачем упорядочивать

2.1 Что уже происходит при чтении

Кто дочитал до сих пор, уже упорядочивал. Посмотрите на предшествующие страницы: что было главной мыслью, что примером, что побочным замечанием? Ответ обычно готов раньше, чем проверяешь. Попробуйте затем прочитать следующий абзац так, чтобы всё в нём было для вас одинаково важно.

Это не удаётся. Даже намерение ничего не взвешивать есть взвешивание, ибо оно на мгновение становится тем, на что направлено. Кто переживает иначе, пусть проверит, что при этом произошло; и это было бы наблюдением.

Итак, вы уже различаете, на что направлено; иначе вы не могли бы читать. Кто считал бы всё одинаково важным, не удержал бы со страницы ничего. А кто захотел бы оспорить, что понимание есть упорядочивание, должен был бы при самом оспаривании упорядочивать: выдвинуть свои основания вперёд, а придаточное отодвинуть назад. Эта книга, следовательно, о том, что человек делает, пока читает её, и то, что она об этом говорит, можно проверить на этом действии.

В голове это происходит слишком быстро, чтобы за этим можно было наблюдать. Медленнее и заметнее это происходит на письменном столе.

2.2 Мельчайший порядок

Эксперимент 1: Собственный письменный стол

Посмотрите на свой письменный стол или на поверхность, которая ближе всего к нему. Если там беспорядок: какого он рода? Лежит ли всё, как упало?

Редко. Что ежедневно используется, лежит в пределах досягаемости. Что относится к одному делу, лежит вместе, даже если стопка кривая. Что ещё нужно сделать, лежит сверху. Кто убирает стол другого, узнаёт об этом по протесту владельца: он больше ничего не находит, хотя теперь всё стоит на одном месте.

То, что происходит на письменном столе, — мельчайший порядок, какой существует: это кладут к тому, то — в сторону. Одно происходит вместе с другим. Кто кладёт счета в одну стопку, отделил их от писем; кто что-то отсортировывает, положил это к тому, что может уйти. Нельзя сложить что-то вместе, не отделив это от другого.

Возражение: Тогда всякое расположение (нем. Anordnung) есть порядок. И в куче листвы, которую ветер нанёс в угол, это лежит рядом с тем.

Ответ: Оно лежит рядом, но без основания, которое кто-то мог бы использовать для поиска. Порядком здесь должно называться такое расположение, из которого можно что-то извлечь: где что-то находится, чего не хватает, что связано между собой. Кривая стопка в этом смысле упорядочена — для того, кто с ней работает. Для того, кто убирает, — нет, потому что он не знает основания. Здесь уже видно то, что будет сопровождать всю книгу: является ли расположение порядком, зависит не только от вещей, но и от того, кто в нём ищет и что он о нём знает.

2.3 Обзор и доступ

Ящику с тремя вещами порядок не нужен; его выдвигаешь и видишь всё. Ящику с тремястами — нужен. Кто держал бы всё одновременно в поле зрения, со всеми связями (нем. Verbindungen), не нуждался бы в нём. Этого не может никто. Память удерживает одновременно немного, внимание — ещё меньше. Вынести наружу можно почти произвольно много (нем. beliebig viel) — в полки, папки и базы данных, но с каждым вынесенным куском растёт вопрос, как его снова найти.

Из этого положения следуют два требования. Хочется видеть, что есть и как оно связано, не перебирая всё поодиночке: это будем называть *обзором* (нем. Überblick). И хочется с одного места найти другое: это будем называть *доступом* (нем. Zugriff).

Что эти два требования различны, показывает почти каждая научно-популярная книга, ибо для каждого из них у неё есть собственное орудие. Впереди стоит оглавление. Оно показывает, из чего состоит книга и в какой последовательности, и тот, кто её прочитал, приблизительно знает, что его ждёт; определённую деталь он в нём найдёт редко. Сзади стоит указатель. Он за один шаг ведёт к каждому месту, где встречается слово, но ничего не говорит о том, как построена книга. Оглавление упорядочивает по делу, указатель — по алфавиту, и именно потому, что алфавит ничего не знает о деле, в нём ориентируется каждый, кто знает слово.

Оба достижения можно измерить. Для доступа: сколько шагов нужно от произвольного места до другого и сколько нужно знать заранее? Указателю нужен один шаг, но он требует, чтобы знали слово. Для обзора: сколько членов нужно удержать в голове, чтобы видеть целое? Оглавление с пятью частями даёт его, оглавление с сорока главами без частей — нет, даже если каждая глава хорошо названа.

Кто создаёт порядок, тем самым решает, что позже будет легко, а что трудно найти. Чаще всего он замечает это лишь тогда, когда ищет сам.

2.4 Сгущать

Эксперимент 2: Разговор в одном предложении

Вспомните свой последний длинный разговор с кем-то, кого вы хорошо знаете. Скажите себе в одном предложении, о чём шла речь, прежде чем читать дальше.
Предложение будет звучать примерно так: «Он тревожится о своей должности, но относится к этому спокойно» (DE: „Er sorgt sich um seine Stelle, sieht es aber gelassen.“). Час стал одним предложением. Погода, кофе, новые очки, обходные пути, которыми пришли к теме, исчезли, и ничего из этого вам не недостаёт.

То же происходит в ящике. Кто кладёт триста вещей в шесть отделений, должен вместо трёхсот мест запомнить шесть надписей; каждая стоит за всё, что лежит под ней. Упорядочивать значит сгущать (нем. verdichten): многое представляется немногим. Техника называет сжатие данных *компрессией*, по латинскому слову для «сжимать». Слово подходит и здесь.

Как далеко можно при этом заходить, показывает крайний случай. Процедура, которая сжимает каждый файл до одного знака, сжала сильнее любой другой, и она непригодна, ибо из одного знака ничего нельзя вернуть. Пригодно сгущение лишь до тех пор, пока из него можно вернуть то, на что направлено. Техника знает два вида. Один не опускает ничего, и из него снова возникает целое. Другой отдаёт (нем. preisgeben) кое-что, у изображений, например, цветовые переходы, которые глаз едва различает. Оба пригодны; об их ценности решает, *что* отдаётся.

По этому можно отличить хорошее сгущение от плохого. Хорошее отдаёт то, на что не направлено, и сохраняет то, на что направлено. Плохое путает одно с другим. Если бы вы свели свой разговор к предложению: «Он опять ноет», — это было бы более сильное сгущение, ибо это предложение подходит ко многим разговорам с ним. Оно экономит внимание и делает следующий разговор предсказуемым. Опустило оно именно то, что в этот раз было иначе. Так работает предрассудок (нем. Vorurteil): он сгущает сильно и быстро и отдаёт при этом различия (нем. Unterschiede), на которые направлено. Но без быстрого сгущения не вошёл бы ни в какой разговор, ибо всякое ожидание, с которым входишь, есть сгущение. Предрассудком оно становится лишь тогда, когда разговор уже не может его поправить. Против этого помогает не меньше сгущать; кто совсем не резюмирует разговор, знает после него не больше, чем до. Помогает сгущать иначе: вернуть различия, которые быстрое предложение отдало, и проверить, какие из них в этот раз значимы.

Возражение: Тогда упорядочивание — всегда потеря. Кто не хочет ничего терять, сохраняет всё, как оно есть.

Ответ: Сохраняется всё равно всё; триста вещей после упорядочивания всё ещё лежат в ящике. Теряется кое-что во взгляде: надпись «Кабель» не говорит, какие именно кабели. Это цена обзора, и кто не хочет её платить, имеет триста мест и никакого обзора. Выбирать поэтому приходится не между потерей и её отсутствием, а между потерями. От этого выбора зависит, годится ли порядок.

Второе возражение: С поисковой машиной больше не нужно упорядочивать. Вводишь то, что ищешь, и получаешь.

Ответ: Получаешь то, что можешь назвать. Поиск даёт доступ, но не обзор: он не показывает, что есть ещё и о чём следовало бы спросить. И он находит только то, что было зафиксировано так, что он может это найти; архив без поля для отправителя нельзя искать по отправителям. Так что упорядочивается и дальше, только в другом месте — тем, кто строит систему,

и сразу для всех будущих случаев. Что это означает, будет рассмотрено при третьем способе упорядочения.

2.5 На что направлено

Так возвращается вопрос, от которого зависит всё дальнейшее и на который вы уже ответили при чтении (гл. 2.1): на что направлено? Для друга это была тревога о должности. Если бы слушала специалистка по оптике, у неё остались бы новые очки. Она сгустила бы не хуже, только для другого вопроса. Тем самым найдена первая мера: вопрос, для которого сгущают. По нему можно проверить, сохранило ли сгущение то, что должно было сохранить.

Повседневный язык знает для того, на что направлено, два слова, которые он употребляет по-разному. Важным нечто бывает для кого-то, в отношении (нем. Hinblick) к вопросу. Существенным называют то, что принадлежит самой вещи, независимо от того, кто спрашивает: существенное в договоре, в болезни, в споре. Есть ли оно, слово не решает. Оно может лишь выражать, что кто-то считает свой вопрос единственно правильным.

Один случай делает различие осязаемым. Некоторые упорядочивают книжный шкаф по цветам, и издание suhrkamp к этому прямо подталкивало: корешки, поставленные рядом, дают цветовой спектр. Другие упорядочивают по величине (нем. Größe), и для этого есть веские основания. Полки можно ставить теснее, и библиотеки в своих хранилищах разделяют книги по форматам — не в последнюю очередь поэтому. Для вопроса, как выглядит полка или сколько в неё помещается, и то и другое хорошо упорядочено. Но кто ищет что-то по определённой теме или хочет иметь вместе все книги одного автора, скажет, что здесь упорядочено мимо книг. Цвет и формат суть в точном смысле слова внешние признаки (нем. Merkmale): они лежат на внешней стороне книги, а книга — это то, что внутри. Но откуда он берёт эту меру? Он не просто ставит другой вопрос рядом с первым. Он ссылается на что-то в самих книгах, на то, что делает их книгами. Является ли это мерой, взятой из существа дела (нем. Sache), или лишь вопросом, обычным для книг, на этом месте решить нельзя.

Вопрос остаётся открытым, и от него зависит ход книги. Мера приближается от ступени к ступени к делу: сначала как перспектива, которую выбирают, затем как повторение, которое находят на вещах, затем как основание, из которого оно следует, наконец как порядок, который указывает, почему

его члены именно таковы. Стоит ли в конце мера, принадлежащая самому делу, и в каком смысле — должен показать этот ход. Его первый шаг — перспектива, то, по чему упорядочивают.

глава 3: перспектива

3.1 По чему упорядочивают

Эксперимент 3: Платяной шкаф, трижды

Представьте, что вы раскладываете свой платяной шкаф трижды: сначала по цветам, затем по случаям, к которым носите вещи, затем по временам года. Что вы в каждом из трёх порядков находите легко, а что с трудом?
Отсортировав по цветам, вы видите с одного взгляда, что сочетается друг с другом, но для собеседования должны обыскать каждое отделение. Отсортировав по случаям, вы утром попадаете в нужное отделение, но видите ли, подходит ли тёмно-синий свитер к серым брюкам, не видите, а рубашка, которая так же хорошо подошла бы для вечера с друзьями, лежит в отделении для офиса, где вы её вечером не ищете. Отсортировав по временам года, вы весной можете убрать целое отделение, а всё остальное остаётся таким же неупорядоченным, как прежде.

Каждый из трёх порядков кладёт это к тому, и каждый делает это по другому основанию: потому что у этого тот же цвет, потому что это надевают по тому же случаю, потому что это принадлежит тому же времени года. То, на что при этом смотрят, будем называть *перспективой* (нем. Hinsicht). Без перспективы нет порядка, есть только расположение (гл. 2.2), ибо лишь перспектива говорит, почему нечто лежит здесь, а не там.

Каждая перспектива сгущает по-своему. Если упорядочено по цветам, значимы различия цвета, а различия случая отпадают; надпись «Синее» не говорит, годится ли вещь для свадьбы. Какие различия порядок сохраняет, а какие отдаёт, устанавливает перспектива, а вместе с ней — и то, что в нём легко найти, а что трудно.

Возражение: Тогда никакой порядок не достигает существа дела. Каждый показывает то, что позволяет показать его перспектива, и упорядочивают всегда лишь иначе, никогда не приближаясь к тому, что есть.

Ответ: Заметим, по чему отказываются от порядка. Кто упорядочил свой шкаф по цветам и через две недели снова его перекладывает, тот сравнивал не одежду без всякого порядка со своим порядком; так он её не знает. Он заметил, что что-то не сходилось: он утром не нашёл нужного, или вещь никуда не помещалась. Что несёт порядок и на чём он терпит неудачу, показывается в том же опыте (нем. Erfahrung), в котором с ним работают. Для этого не нужна точка зрения вне всех порядков. Поэтому вопрос, попадает ли порядок в «само дело», не является неотвечаемым. Только отвечается он не сравнением, а в работе с порядком, случай за случаем, и иногда — нет. Эта книга спрашивает о другой половине: что отличает один порядок от другого.

3.2 Три уровня

На письменном столе лежит книга из библиотеки, которую завтра нужно вернуть; она прочитана лишь наполовину. Тому, кто её читает, в это мгновение ничто не кажется важнее. Что здесь значит «важно»? Можно различить три значения, и все три можно показать на одной и той же книге. Различно каждый раз то, к чему относится слово.

Первое — срочность (нем. Dringlichkeit): то, что сейчас занимает. Она относится к положению того, кто упорядочивает, а не к книге. Когда книга возвращена, она исчезает, а книга остаётся тем, чем была.

Второе — значимость (нем. Wichtigkeit) для вопроса. Кто переезжает и упаковывает коробки, для того значимы формат и вес. Кто хочет цитировать книгу, для того значимы издание и пагинация. Кто хочет её подарить, для того значима и обложка. Важное в этом смысле — не для кого-то в каком-то положении, а в отношении к вопросу: кто задаёт тот же вопрос, находит то же важное. Это тот уровень (нем. Ebene), на котором глава 2 нашла первую меру.

Третье — существенность (нем. Wesentlichkeit): то, что делает книгу тем, что она есть, независимо от того, кто спрашивает и зачем (гл. 2.5).

Легче всего второй уровень, значимость для вопроса, спутать с двумя другими. Кто говорит «это же неважно» (DE: „das ist doch unwichtig“), обычно

имеет в виду: для этого вопроса, — и считает его единственным. Кто говорит «важно вот это», иногда имеет в виду вопрос, а иногда дело и часто не замечает различия. Многие споры о том, что важно, — это споры между двумя вопросами, принимающими себя за сведения о деле. И наоборот, иной считает простым вопросом среди прочих то, что лежит в самом деле.

Для существенности можно указать первую пробу (нем. Probe): меняется ли остальное, когда меняется это? На книге её можно провести. Если книга получает новую обложку, она остаётся той же книгой; содержание (нем. Inhalt), построение и ценность для читателя остаются, как были. Если изменить текст, меняется вместе с ним всё остальное, и в крайнем случае получается другая книга. Текст для книги существеннее цвета её корешка.

Возражение: Для коллекционера — наоборот. Первое издание с первоначальной суперобложкой стоит в несколько раз дороже, чем без неё, а текст от этого не меняется. Значит, и существенность — лишь значимость для вопроса, вопроса коллекционера.

Ответ: Коллекционер и читатель говорят о двух разных вещах под одним словом. Читатель имеет в виду произведение, которое существует во многих изданиях; коллекционер имеет в виду этот экземпляр, вещь (нем. Ding) с историей. У экземпляра обложка не есть нечто внешнее, ибо если её изменить, меняется то, чем экземпляр является: полным первым изданием или неполным. Проба, следовательно, работает у обоих. Но она предполагает, что знаешь, *в качестве чего* берут вещь — как произведение или как экземпляр, — а на этот вопрос проба сама не отвечает.

Поэтому видно, как далеко простирается проба. Она проверяет, существенно ли нечто, когда установлено, о чём идёт речь. А это часто не установлено. Если упал смартфон, можно спрашивать о существенном в устройстве, в падении или в повреждении, и каждый раз существенно разное: у устройства — что оно умеет, у падения — как оно произошло, у повреждения — можно ли его устранить. Кто этого не различает, спорит о существенном и говорит о трёх вещах. Что значит, что остальное зависит от чего-то, и откуда знаешь, в качестве чего надо брать вещь, — проба этого не говорит. И то и другое — вопрос об основании (нем. Grund). Он принадлежит второй части.

3.3 Несколько перспектив

У платяного шкафа из эксперимента 3 есть проблема, которую не решает ни один из трёх порядков: все три перспективы правомерны. Кто утром

берёт по случаю, вечером хочет сочетать по цвету, а весной переложить по времени года. Ни один из трёх вопросов не ложен, и ни один не является подлинным; у каждого своё время. К этому добавляется, что даже одна-единственная перспектива не разделяет чисто. Та же рубашка годится для офиса и для вечера, те же брюки — для будней и для поездки. Кто одевается строго по отделениям, без нужды ограничивает себя тем, что там сейчас лежит. Случаи перекрываются, потому что вещи не сделаны для одного случая, а подходят для нескольких.

На экране это легко исправить: те же вещи, трижды показанные поразному. В шкафу каждая вещь лежит на одном месте. Кто хочет обслуживать несколько перспектив одновременно, должен вкладывать их друг в друга (нем. schachteln) — сначала по случаю, внутри по цвету, или наоборот, — и последовательность решает, какой вопрос требует одного движения руки, а какой трёх. Как это делать и чего это стоит, — вопрос порядков, которые сортируют по признакам.

Дальнейшее чтение: *Истина* (2025), Гл. 11

глава 4: ряд и отделение

4.1 Порядки, которые ничего не знают о деле

Словарь упорядочивает по алфавиту. То, что «Hund» стоит между «Huhn» и «Hunger», ничего не говорит о собаках, и никто этого не ожидает. Тем не менее каждый находит в словаре то, что ищет, если знает слово, — о деле ему для этого ничего знать не нужно. Архив, который раскладывает свои поступления по дате, работает так же: письмо от 3 марта лежит перед письмом от 4 марта, независимо от того, о чём оба. Библиотека, которая расставляет книги в хранилище по порядку поступления, каждую с текущим номером, обходится без всякого знания содержания.

У таких порядков три преимущества, и все три следуют из того, что они ничего не знают о деле. Каждый может ими пользоваться, кто знает признак, по которому сортируют: начальную букву, дату, номер. Новое можно вставить, не переставляя старого; следующее письмо попадает в конец, новое слово — на своё место в алфавите. И никому не нужно спорить, куда что-то относится, ибо признак это решает.

Цена столь же очевидна. Такой порядок даёт доступ, но не обзор (гл. 2.3). Соседи по алфавиту не имеют друг с другом ничего общего, и кто хочет знать, что словарь содержит о животных, должен пройти его целиком. Порядок↑ сохраняет от каждой вещи один-единственный признак, и от него лишь то, что нужно для сортировки. Это очень сильное сгущение, и от существа дела оно не сохраняет ничего.

Это не недостаток, пока от него не требуют другого. Словарь должен помогать находить слова, а не объяснять мир. Недостатком это становится лишь тогда, когда такой порядок принимают за порядок самого дела: когда кто-то верит, что письма за год упорядочены, потому что лежат по датам, а затем должен собирать переписку по одному-единственному делу из двадцати мест.

4.2 Отделения в отделениях

Большинство порядков, с которыми работают, берут больше одного признака. Книжный шкаф расставлен по областям, внутри — по авторам, внутри — по году издания. Картотека разделена по годам, внутри — по отправителям. Такие порядки вкладывают перспективы друг в друга и тем самым решают проблему из гл. 3.3, насколько она решаема: там, где каждая вещь может иметь только одно место, несколько перспектив можно обслуживать лишь поочерёдно.

Для вкладывания есть правило, которое звучит просто и часто нарушается. Внутри одной ступени (нем. Stufe) признак не должен меняться. Кто упорядочивает свои книги по областям и между ними ставит несколько по цвету, потому что они красиво выглядят, тот упорядочил не неточно, а вставил друг в друга два порядка, и ни один из них больше не несёт: кто ищет книгу по её области, не находит её, а кто ищет её по цвету, не знает, что она там стоит. Между ступенями признак, напротив, может и должен меняться; именно это и называется вкладыванием.

Второе правило следует из первого. Отделения одной ступени не должны перекрываться, и вместе они должны вмещать всё, что попадает на эту ступень. Если два отделения перекрываются, признак был неоднозначен; если остаётся нечто, не подходящее ни в одно, недостаёт отделения. Отделение «Разное», которое есть почти в каждой картотеке, — признание того, что одно отделение отсутствует, — часто самое честное отделение во всём порядке.

Какая перспектива ставится наверх, решает о затратах. Кто раскладывает по годам, а внутри — по отправителям, находит всё из одного года одним движением, а всё от одного отправителя должен собирать из каждого года по отдельности. Кто раскладывает наоборот, по отправителям, а внутри — по годам, тому легко с отправителем и трудно с годом. Платить приходится всегда, вопрос лишь — за какой поиск. Лучшее, что может вложенный порядок, — поставить наверх перспективу, по которой ищут чаще всего, а остальные выстроить по ступеням так, как они используются.

4.3 Что порядок утаивает

Одно письмо касается налога на дом, который сдаёт ваша мать. Относится ли оно в папку «Налоги», в «Мать» или в «Дом»? И это только порядки по делу. Рядом стоят два, по которым всякая регистратура (нем. Registratur) и

так работает: дата и отправитель. Их тоже можно лишь вкладывать друг в друга: сначала по годам, внутри по отправителям, или наоборот, исходящая почта у входящей или отдельно от неё. Каждый выбор защитим, и каждый делает письмо невидимым в остальных местах. Кто через три года ищет его под «Мать», не находит его, хотя оно с тем же правом относилось бы туда.

Возражение: Случай мелок, но возражение, которое можно на нём закрепить, — нет. Порядок↑, который даёт каждой вещи ровно одно место, утверждает, что у каждой вещи есть ровно одна перспектива, в которой она относится. Но вещи скорее похожи на сплетение, чем на дерево (нем. Baum): почти всё связано со многим, и какая связь значима, меняется вместе с вопросом. Порядок, который этого не допускает, не описывает то, что есть, а решает об этом. Чем лучше он работает, тем меньше замечаешь, что было решено. И это касается не только картотеки. Всякий порядок, который эта книга ещё разовьёт, в том числе тот, что может указать своё основание, даёт каждой вещи одно место; обоснованный порядок был бы тогда самым опасным, ибо кто может обосновать порядок, легче всего принимает его за само дело.

Ответ: В этом возражении многое верно. Всякий порядок выбирает, и то, что не встречается ни в одной из его перспектив, выпадает из поля зрения. Но оно упускает, где это себя показывает. Что письмо отсутствует под «Мать», замечаешь при поиске, в том же опыте, в котором порядок вообще может потерпеть неудачу (гл. 3.1): что-то не сходится. Опасным порядок становится не потому, что он выбирает. Опасным он становится, когда больше не замечает своих неудач, когда ненайденное считается несуществующим вместо указания на вторую перспективу.

Из этого следует не отказ от порядка, а условие для него: он должен сохранять остаток (нем. Rest) видимым. Это стоит. Ссылка↑ в папке «Мать» на налоговое дело должна быть заведена и поддерживаться. С тех пор как есть копировальные аппараты, можно вместо этого класть копию, но дела разрастаются. Что письмо относится к нескольким местам, знал каждый регистратор. Открытым был вопрос, сколько эта догадка могла ему стоить. Как далеко с этим можно зайти, вплоть до порядков, которые больше не назначают постоянных мест, показывает гл. 10.3.

То же касается всякого изложения, которое читается в последовательности. У книги есть оглавление, а оглавление знает только один ряд. Что в деле стоит рядом или перекрещивается, должно на бумаге стоять друг за другом, а что относится к двум местам, стоит в одном. И эта книга построена так же и помогает себе, как регистратура: ссылками на другие главы, туда, где находится то, чему на своём месте не хватило места.

Свою самую острую форму возражение этого абзаца нашло у Жиля Делёза и Феликса Гваттари. Они противопоставили дереву ризому — корневое сплетение без ствола, в котором каждая точка может быть соединена с каждой.

4.4 Что ряд делает видимым

У всех порядков этой главы есть одно общее: их перспектива выбрана. Алфавит, дата, область, отправитель — признаки, по которым сортируют, потому что так хотят искать. Что порядок тем самым накладывается на вещи извне, — его преимущество и его цена.

И всё же именно такой порядок может показать нечто, чего никто в него не вкладывал. Кто несколько лет подряд раскладывает свою почту только по дате, без всякого взгляда на содержание, при перелистывании видит, что каждый год в одно и то же время приходят одни и те же письма: весной налоговое извещение, летом расчёт коммунальных платежей, осенью взносы страховых. Дату он выбрал. То, что в ней нечто повторяется, он не выбирал и не мог бы заставить; это лежит в сроках и ритмах (нем. Rhythmen), по которым работают ведомства, наймодатели и страховые. Так же и отделение «Разное» из гл. 4.2. Через год в нём лежит стопка, и часто она не пёстрая: половина — письма от мастеров. И этого никто не делил. Оно показывает себя само и говорит, какого отделения не хватает.

Оба наблюдения имеют одну форму. В выбранной перспективе показывается повторение, которое не выбрано, а идёт от вещей. Порядок↑, который следует ему (отделение для ежегодных сроков, одно для мастеров), сортирует уже не только по признаку, который привносят к вещам. Он принимает нечто, что находится на самих вещах. Такое повторение называется образцом (нем. Muster).

глава 5: образец

5.1 Что повторяется

Эксперимент 4: Буквы как штрихи

Попробуйте на мгновение увидеть буквы этой строки как простые штрихи, как чёрные линии без значения.
Это едва удаётся, а если удаётся, то недолго. Штрихи складываются в буквы, буквы в слова, прежде чем этому можно помешать; неузнавание стоит больше усилий, чем узнавание.

Что здесь навязывается, — это образец: образ (нем. Gestalt), который возвращается во многих случаях и потому узнаётся. Буква «а» в каждом шрифте выглядит немного иначе, и всё же каждый раз это «а». Способность простирается далеко. У кого есть сосед, тот через несколько недель знает, что сосед приходит домой по будням около половины шестого, а по понедельникам лишь около семи, — без всякого решения следить за этим. Кто впервые слышит мелодию, часто уже при втором прослушивании может продолжить её напевать.

Образец — это сгущение (гл. 2.4). Вместо четырнадцати отдельных времён прихода запоминают одно правило: по будням полшестого, по понедельникам семь. Почему это необходимо, замечаешь там, где его не хватает. Описание дороги с двадцатью поворотами никто не запомнит; спрашивают об образце — «всё время по главной дороге, в конце налево» (DE: „immer der Hauptstraße nach, am Ende links“), — а где никакого не найти, остаётся только записать.

В науке то же самое выглядит крупнее. Наблюдения, которые Тихо Браге десятилетиями собирал о пути Марса, были тысячами углов и моментов времени. Иоганн Кеплер нашёл в них правило: планета движется по эллипсу, в одном из фокусов которого стоит Солнце. Из таблицы, которую никто

не мог удержать в голове, стало предложение, из которого можно было восстановить каждое место таблицы, и притом точнее, чем с любым прежним правилом.

В отличие от порядков предыдущей главы, образец не выбирают. Можно выбирать, на что обращаешь внимание, — на времена прихода соседа, а не на цвет его куртки; повторяется ли в этой перспективе нечто, от выбора не зависит. Перспектива остаётся выбранной, повторение — найденным.

5.2 Найден или сделан

Возражение: Образцы не лежат снаружи в ожидании, что их узнают. Кто впервые слышит джаз, слышит шум; через некоторое время он слышит ритм, возвращение, ответ, и вдруг это обретает смысл. Образец возник лишь благодаря его слышанию. Образцы создают, узнавая их.

Ответ: На джазе можно проверить, так ли это. Музыканты играют по форме: после определённого числа тактов они возвращаются к теме, отвечают друг другу, держат темп. Слушатель, который через некоторое время это слышит, научился тому, что они делают. Создай он образец, он мог бы так же вчувствовать его в любой другой шум. Это не удаётся, во всяком случае не тем же способом. Можно видеть в облаках лица и слышать в шуме радио голоса; но эти образцы нельзя продолжить. Облако не делает того, что лицо сделало бы дальше, а голос в шуме не произносит второго предложения. Образец в джазе, напротив, можно продолжить: кто его услышал, знает, когда тема вернётся.

Верно в возражении, что образцы выучиваются и что их не слышат, пока этому не научились. Верно и то, что перспектива, в которой вслушиваются, приходит от слушателя. Но то, что образец может быть ложным, показывает, что он не создаётся узнаванием. Что существовало бы только благодаря моему узнаванию, не могло бы ни на чём потерпеть неудачу. Лицо в облаке терпит неудачу в следующую минуту.

Итак, образец не просто наличествует, и не слушатель его создаёт. Перспективу он приносит с собой, возвращение приходит от существа дела, а подходит ли одно к другому, показывает следующий такт.

5.3 Где образец остаётся открытым

Ряд 1, 2, 4: как он продолжается? Большинство говорит: 8, потому что число каждый раз удваивается. Но 7 подходит так же: промежутки растут на единицу — сначала один, потом два, потом три. Оба правила объясняют всё, что имеется, и расходятся лишь на следующем члене. Больше членов принципиально не помогает. Для всякого конечного ряда существует произвольно много правил, которые его продолжают, и одни случаи не решают спор между ними.

Возражение, которое можно на этом построить, имеет ещё и вторую сторону. Даже образец, который установлен, не остаётся тем, чем был, когда применяется к новому. Слово «семья» узнают в каждом употреблении. Но каждый новый случай, который подводится под него, — семья с детьми от прежних браков, совместное жильё двух вдов — смещает то, что оно значит. Не является ли тогда узнавание образца принципиально ненадёжным — узнавание, которое никогда не знает, узнало ли оно верное?

Ненадёжным оно является, и никакой метод этого не меняет. Но из этого не следует, что между правилами ничто не решает. Кто хочет знать, будет ли 8 или 7, спрашивает, откуда взят ряд. Если он считает бактерий, которые делятся, то 8. Если он из плана тренировок, который каждую неделю прибавляет на один шаг больше, чем в предыдущую, то 7. Образец узнаётся не из одних чисел, а из чисел и того, о чём они говорят. Где и это не решает, решает следующий случай. Кто тогда переучивается, тот не потерял образец, а только нашёл его. Со словом похоже: что слово «семья» смещается, замечаешь по тому, что новый случай вызывает спор. В этом месте образец себя проверяет.

Поэтому образец — это предвосхищение, которое должно оправдать себя на следующем случае, а не констатация.

Возражение в его первой форме известно из размышлений Людвига Витгенштейна о следовании правилу, во второй — из мысли Жака Деррида об итеративности: знак (нем. Zeichen), который повторяется, в каждой новой связи немного другой.

5.4 Слишком грубый, слишком тонкий

Образец может двумя способами промахнуться мимо того, что должен сгустить. Он может быть слишком грубым: кто запомнил, что сосед приходит по будням в полшестого, две недели удивляется тёмному окну, прежде чем

ему приходит в голову, что каникулы. И он может быть слишком тонким: кто запоминает каждое время прихода с точностью до минуты — 17.28, 17.34, 17.31, — имеет четырнадцать чисел вместо одного правила и столь же умён, как прежде.

Между тем и другим нет средней меры, которую можно было бы указать раз и навсегда. Насколько грубым может быть образец, зависит от того, для чего он нужен. Кто хочет попросить соседа об одолжении, тому достаточно «около вечера»; кто хочет передать ему посылку, тому нужны полчаса. Это снова первая мера из гл. 2.5 — вопрос, для которого сгущают. Образец хорош, если для своего вопроса он сохраняет столько, сколько тот требует, а в местах, где он больше не несёт, терпит неудачу узнаваемым образом.

5.5 На чём образец терпит неудачу

Сосед приходит по понедельникам в семь. Почему? Может быть, у него в понедельник днём совещание, может быть, он в понедельник ходит на спорт, может быть, навещает свою мать. Пока это не важно, это безразлично; образец несёт и без того, чтобы его можно было объяснить. Но это становится важным, как только что-то меняется. Сменит он должность — совещание отпадёт, а с ним и образец, спорт — нет. Действует ли образец дальше, знает только тот, кто знает, почему он действует.

В этом граница всех порядков этой части. Перспектива говорит, на что обращают внимание, ряд и отделение говорят, куда что относится, образец говорит, что возвращается. Ни один из них не говорит, почему это так. Образец подходит к этому ближе всего, потому что он находится на вещи. Но он говорит лишь, *что* нечто повторяется, и потому не может сказать, при каких условиях это прекратится.

5.6 Обратный взгляд на первую часть

Почему у этой части именно эти ступени и почему в этой последовательности?

Всякий порядок кладёт это к тому, и для этого ему нужно нечто, на что он смотрит. Поэтому перспектива стоит в начале: она — условие всякого порядка, и без неё есть лишь расположение (гл. 3.1). Простейший способ использовать перспективу — сортировать по ней: по одному признаку, а

где одного недостаточно, по нескольким, вложенным друг в друга. Это порядок в рядах и отделениях. Он берёт от дела только признак и оставляет всё остальное снаружи. Но на самой вещи показывает себя то, что кое-что возвращается; где порядок следует этому возвращению, он уже не просто привнесён. Это образец.

Последовательность — это последовательность порядка, который всё ближе подходит к делу. Перспектива выбрана, ряд следует выбранной перспективе, образец находится в ней. Обратить последовательность нельзя, ибо каждая ступень предполагает предыдущую: образец — это повторение в перспективе, а кто образует ряд, уже имеет перспективу.

Возражение: Дети узнают образцы задолго до того, как сортируют или ищут по алфавиту. Последовательность перевёрнута.

Ответ: Последовательность — не история обучения, а зависимость. И ребёнок, который узнаёт образец, обращает внимание на что-то — на голос матери, а не на шум движения; без этой перспективы для него не было бы ничего, что повторяется. То, что он её не выбрал, а приносит с собой, ничего в этом не меняет. А то, что образцы выучиваются раньше алфавита, показывает лишь, что найденный порядок старше привнесённого. Для вопроса, насколько порядок знает о деле, это безразлично.

Всем трём ступеням обще то, что они говорят, что связано между собой, но не почему. На этом они терпят неудачу, и притом не только на трудных случаях, но на всяком изменении: кто не знает, почему нечто связано между собой, не знает, останется ли оно вместе, когда изменятся обстоятельства (нем. Umstände). Об этом спрашивает вторая часть.

часть II: почему оно связано между собой

глава 6: принцип

6.1 Что порождает образец

Кто-то включает душ, вода холодная, он поворачивает кран на горячую. Вода остаётся холодной, он поворачивает дальше. Затем она становится горячей, слишком горячей, он поворачивает обратно, и через некоторое время она снова слишком холодная. После трёх-четырёх таких кругов он получает нужную температуру. Это образец: колебание между слишком горячей и слишком холодной водой, которое повторяется в каждой незнакомой душевой.

Почему происходит это колебание? Потому что вода, которую он сейчас смешивает, выходит из душевой лейки только через несколько секунд. Он настраивает по тому, что чувствует, а чувствует он воду, которая была несколько секунд назад. Каждая поправка запаздывает и поэтому перескакивает цель. Тем самым указано нечто, что порождает образец: круг из измерения и установки положения, в котором действие положения доходит до измеряющего с задержкой. Там, где такой круг работает с задержкой и корректирует сильнее, чем позволяет задержка, возникает то же колебание. Отопление, у которого датчик установлен в неправильном месте, перегревает и переохлаждает. Рынок, на котором крестьяне ориентируют своё разведение по сегодняшней цене, которая подействует только через год, порождает годы изобилия и годы нехватки.

То, что порождает образец, здесь будет называться *принципом*, по латинскому слову, означающему начало, исток. Принцип↑ — это снова сгущение, но иного рода, чем образец. Образец сводит многие случаи в одно правило; принцип сводит многие образцы в одно основание их возникновения. Душ, отопление и рынок имеют различные образцы, различные времена, различные размахи. Принцип во всех них один и тот же.

6.2 Обобщение и принцип

Не всякое общее предложение — принцип. «Упражнение делает мастера» (DE: „Übung macht den Meister“) обобщает многие опыты, и чаще всего оно верно. Но оно не говорит, почему упражнение действует, а потому и не говорит, когда оно не действует: когда упражняешь не то, когда упражняешь без обратной связи (нем. Rückkopplung), когда упражняешь переутомлённым. Оно — обобщение (нем. Verallgemeinerung), образец с большим охватом.

Принцип↑ запаздывающей обратной связи, напротив, говорит, при каких условиях колебание наступает и при каких нет. Если действие приходит без задержки, не колеблется ничто; кто стоит у душа с короткой трубой, попадает в нужную температуру с первого раза. Если регулировать меньшими шагами и выжидать, колебание становится слабее. Принцип, следовательно, говорит не только, что происходит, но и что надо изменить, чтобы произошло иначе. И его можно применять к случаям, которых никогда не видел. Кто его понял, ожидает у регулятора с большой задержкой колебание, прежде чем его наблюдал.

Принцип говорит ещё больше. Если поправка действует не против отклонения, а в его направлении, то не колеблется ничто, а раскачивается. Микрофон, который улавливает собственный громкоговоритель, свистит всё громче; банк, из которой все забирают свои деньги, потому что другие забирают, становится неплатёжеспособной. Один и тот же круг из измерения и установки порождает в зависимости от направления два противоположных (нем. entgegengesetzte) образца, и по направлению можно заранее сказать, какой наступит.

Образец планетных орбит из гл. 5.1 нашёл своё основание тем же способом. Что планеты движутся по эллипсам, установил Кеплер; почему — сказал лишь принцип, который объяснил также падающий камень и приливы: притяжение масс, которое убывает с квадратом расстояния. Из него следовали эллипсы Кеплера, и следовало больше — а именно то, что они не совсем точны, потому что планеты возмущают друг друга.

По этому можно отличить принцип от обобщения. Обобщение↑ говорит, что в известных случаях совпадало. Принцип говорит, что это порождает, а потому и то, где это прекращается.

6.3 Когда принцип объясняет всё

Один человек анонимно жертвует большую часть своего дохода. Объяснение через максимизацию полезности не испытывает с этим трудностей: от пожертвования он получает больше удовлетворения, чем от денег. Другой живёт отшельником без имущества и максимизирует свой покой. Третий отдаёт жизнь за чужого; для него чувство, что он поступает правильно, весило больше. Принцип↑ подходит каждый раз.

Возражение: На этом можно построить возражение против всякого поиска принципов. Принцип, который оправдывает себя на всём, объясняет новое тем, что сводит его к известному. Что не выглядит как видоизменение известного, перетолковывается до тех пор, пока не станет таковым. А действительность (нем. Wirklichkeit) постоянно порождает новое — поступок, жизненную форму, идею, которые раньше не казались возможными. Именно к этому, гласит возражение, поиск принципов делает слепым.

Ответ: Возражение попадает в цель, но попадает во что-то определённое. Запаздывающая обратная связь из начала главы предсказывает, что контур регулирования (нем. Regelkreis) со слишком большой задержкой начинает колебаться. Это можно проверить, и там, где это не наступает, объяснение неверно. Максимизация полезности в той версии, которая одинаково объясняет жертвователя, отшельника и спасителя, не может потерпеть неудачу ни на одном человеке. Она не говорит, что человек сделает, а задним числом истолковывает, что он сделал. Принцип годится настолько, насколько велико число случаев, которые он исключает. Если он не исключает больше ни одного, это уже не принцип, а манера речи.

Тем самым новое получает опознавательный признак: это то, на чём оправдавший себя принцип терпит неудачу. Кто ищет принципы, которые могут терпеть неудачу, не становится слепым к новому. Лишь у него есть для этого орган.

Наука знает этот ход. Когда орбита Урана отклонялась от того, чего требовало притяжение масс, предположили ещё одну, неизвестную планету, вычислили, где она должна стоять, и нашли там Нептун. Когда орбита Меркурия отклонялась на крошечную величину, попробовали то же самое, и на сей раз ничего не нашлось. Отклонение оставалось, пока новая теория тяготения не объяснила его. Заметным оно было лишь потому, что старый принцип был достаточно точен, чтобы на нём потерпеть неудачу.

Что новое следует мыслить не как видоизменение уже известного, а как различие в собственном праве, — ведущая мысль Жиля Делёза в *Различие и повторение* (нем. Differenz und Wiederholung).

6.4 На чём принцип терпит неудачу

Принцип↑ объясняет, почему душ с длинной трубой колеблется. Колеблется ли *этот* душ сегодня утром, он не говорит. Для этого надо знать, какой длины его труба, насколько кран уже был открыт, ждёт ли моющийся терпеливо или поворачивает поспешно, полон ли бак горячей воды. Принцип всеобщ; случай — это этот случай, и то, что в нём происходит, зависит от принципа и от его условий (нем. Bedingungen).

В этом недостаток принципа, оборотная сторона его силы. Поскольку он отвлекается от условий, он действует во многих случаях; поскольку он от них отвлекается, он не объясняет ни одного полностью. Кто хочет знать, почему здесь и сейчас произошло то, что произошло, нуждается в принципе и условиях вместе. И то и другое вместе будем называть основанием (нем. Grund).

глава 7: основание

7.1 Пустое, произвольное, достаточное

Комнатное растение погибло. Почему?

Первый напрашивающийся ответ звучит: оно просто не было жизнеспособным. Это звучит как основание и не говорит ничего. «Нежизнеспособно» означает лишь, что оно погибло, — под другим именем. Такие ответы чаще, чем думают; кто говорит, что кто-то потерпел неудачу, потому что не выдержал давления, часто лишь сказал то же самое дважды. Основание, которое просто повторяет дело, пусто (нем. leer).

Второй ответ называет нечто другое: его не поливали. Это говорит что-то, но этого недостаточно. Кактус рядом тоже не поливали, и он жив. А растение соседки поливали, каждую неделю, и оно всё равно погибло, потому что в горшке не было отверстия и корни стояли в воде. Неполив — одно условие среди других, и кто его выделяет, тот выделил одно, а почему именно это, не говорит. Основание, которое принимает одно условие за целое, произвольно (нем. beliebig).

Третий ответ берёт условия вместе: это растение нуждается в воде каждую неделю; в августе оно стояло у южного окна, где земля высыхает за три дня; три недели не было никого, кто полил бы. Здесь ничего не выделено, и здесь есть то, что второй ответ пропустил: что это за растение. Кактус пережил бы те же три недели, потому что он кактус. Состояние (нем. Beschaffenheit) самой вещи есть условие, и часто самое важное. Основание, которое берёт все условия вместе, включая саму вещь, будем называть достаточным (нем. zureichend).

Пустое, произвольное↑, достаточное: каждая ступень устраняет недостаток предыдущей. Пустой ответ не говорит ничего нового; произвольный говорит нечто, но недостаточно; достаточный говорит, что должно было сойтись, чтобы произошло то, что произошло.

7.2 Насколько достаточно достаточное

Возражение: Достаточное основание недостижимо. К условиям относится и то, что светило солнце, что Земля вращается, что комнатные растения вообще существуют. Кто захотел бы назвать все условия, не пришёл бы к концу.

Ответ: Он не пришёл бы к концу, если бы должен был назвать все условия, при которых вообще что-то происходит. Но спрашивается, почему погибло *это* растение, и это значит: почему оно погибло, а не жило, как в прошлое лето, как кактус рядом. Условие, которое в обоих случаях было одинаковым, не объясняет различия. Солнце светило и в прошлое лето. Достаточным является основание, которое указывает, что в одном случае было иначе, чем в том, с которым его сравнивают. Это конечно, и это можно проверить: если бы кто-то полил или растение стояло бы у северного окна, оно жило бы.

Это делает достаточное↑ основание зависимым от вопроса, с каким случаем сравнивают, и так вопрос чаще всего и имеется в виду. Кто спрашивает, почему растение погибло, почти всегда имеет в виду: в отличие от того, что ожидали. А кто имеет в виду другое сравнение, получает другое основание, и ни одно из них не было бы ложным. Ложным было бы только выдавать условие, одинаковое в обоих случаях, за основание различия.

7.3 Умозаключение

Одна форма обоснования так стара и так известна, что её часто принимают за обоснование вообще: умозаключение (нем. Schluss). Все люди смертны; Сократ (нем. Sokrates) — человек; следовательно, Сократ смертен. Кто признаёт первые два предложения, должен признать третье.

Умозаключение↑ ничего не говорит о том, верны ли первые предложения. Оно обеспечивает переход (нем. Übergang), а не исходную точку. Поэтому оно не собственный вид основания наряду с достаточным, а форма, в которой можно записать достаточное↑ основание: если это растение еженедельно нуждается в воде и три недели её не получало, то оно погибло. «То» надёжно, как только «если» полно. Полно ли оно, умозаключение не говорит; проверить это — работа, отличающая обоснование от простого выведения. И действительное умозаключение обосновывает лишь тогда, когда член, связывающий два первых предложения, попадает в существо дела. Кто заключает: роза красна, всё красное красиво, следовательно, роза

красива, — заключил правильно; со связующим звеном «колюча» он столь же правильно пришёл бы к противоположному. Связующее звено, которое вещь лишь тоже имеет, — это произвольное основание из гл. 7.1 в другом облике.

7.4 Кому служит основание

Терапия не действует, и клиника отмечает: пациент принимал лекарства не так, как предписано. Это верно. Не отмечается, что он посменный работник и должен был принимать таблетки три раза в день натощак, что не сочеталось с его сменами. Указанное основание истинно, и это как раз то основание, которое снимает нагрузку с клиники.

Возражение: Из этого следует возражение против всего искусства обоснования. Основания выбираются теми, кто их даёт, а у тех есть интересы. Обоснование может быть формально безупречным, опираться на факты и всё же служить господству, выбирая, какие факты считаются. Кто систематически обосновывает, гласит возражение, лишь оттачивает орудие, которым это делается.

Ответ: Верно в этом двоякое: выбор оснований сам есть действие, которое надо проверять. И к этой проверке относится вопрос, кому основание приносит пользу. Но из-за чего недостаток в примере стал видимым? Из-за ещё одного основания — графика смен. Критика обоснования клиники сама есть обоснование, и притом более полное. Она не оспаривает, что таблетки принимались неправильно. Она показывает, при каких условиях это произошло и кто мог их изменить.

На языке этой главы: клиника дала произвольное↑ основание, выхваченное истинное условие, и выбор пал туда, где ей не было больно. Подозрение, что основание кому-то служит, следовательно, не прекращает обоснование. Оно даёт ему поручение: искать недостающие условия. В то, что оно критикует, оно превращается лишь там, где отклоняет это поручение и из пользы основания сразу заключает к его ложности.

Что сам разум может стать инструментом господства, развили Макс Хоркхаймер и Теодор В. Адорно в *Диалектике Просвещения* (нем. Dialektik der Aufklärung).

7.5 Основание в самой вещи

Среди условий, из-за которых погибло растение, одно было иного рода, чем остальные: что это за растение. Южное окно, август, три недели без полива — обстоятельства; они могли бы быть иными, и растение осталось бы тем же. То, что оно нуждается в воде еженедельно, — не обстоятельство. Это принадлежит ему, и если это меняется, то это другое растение.

Тем самым можно исполнить то, что гл. 3.2 должна была оставить открытым. Там говорилось, что существенно то, от чего зависит остальное, но что значит «зависеть», оставалось невыясненным. Теперь это можно сказать: нечто зависит от другого, если другое находится среди его оснований. Существенным в вещи является та часть её оснований, которая принадлежит ей самой, а не её обстоятельствам. У книги это был текст: из него следуют содержание, построение и ценность для читателя, независимо от того, в какой обложке она стоит. И второй открытый вопрос из гл. 3.2 тоже получает ответ — вопрос, в качестве чего берут вещь. Её берут как то, чьи основания ищут. Читатель ищет основания того, что книга ему даёт, и находит текст; коллекционер ищет основания того, что стоит этот экземпляр, и находит среди них суперобложку.

7.6 На чём отдельное основание терпит неудачу

Пока спрашивают об основании отдельного события, достаточно иметь условия вместе. Иначе становится, когда спрашивают об основании многого: почему это растение имеет листья, стебель и корни и именно такие; почему у него двадцать сортов; почему оно распускается весной и уходит осенью. Здесь надо объяснить не событие, а целое, и основание — уже не ряд условий, а то, что есть сама вещь: живое существо, которому нужны свет, вода и почва, чтобы сохраняться. Из него становятся понятными части, сорта, времена года.

Такое основание упорядочивает уже не только извне и уже не только констатирует, что возвращается. Оно членит целое из того, что оно есть. Как это происходит и сколькими способами, спрашивает третья часть.

7.7 Обратный взгляд на вторую часть

Почему здесь стоят именно принцип и основание и почему в этой последовательности?

Первая часть закончилась вопросом, почему нечто связано между собой. На этот вопрос можно ответить на двух ступенях. Можно указать, что вообще порождает образец, независимо от того, где он встречается: принцип. И можно указать, почему он встретился здесь и сейчас: основание, которое берёт принцип вместе с его условиями. Обратить последовательность нельзя, ибо достаточное↑ основание содержит принцип как одно из своих условий — то, которое лежит в самой вещи; принципу же отдельный случай не нужен.

Возражение: Но спрашивают сначала об основании отдельного случая — почему моё растение погибло, — и лишь потом, если вообще, о принципах.

Ответ: Так спрашивают, и так не обязательно идти. Последовательность этой части, как и первой, есть последовательность зависимости. Кто указывает достаточное основание для погибшего растения, говорит, что оно нуждается в воде еженедельно: принцип его вида, называет ли он его так. Основание отдельного случая — более богатое образование, и потому оно стоит на втором месте.

Обе ступени говорят, почему нечто связано между собой. Ни одна из них не говорит, как построено целое, состоящее из многих членов, которые все должны стать понятными из одного и того же основания. Для этого нужен порядок, который объясняет уже не отдельные случаи, а членит целое.

часть III: как построено целое

То, что рассматривает эта часть, — как делить предмет (нем. Gegenstand), как различать виды, как проверять структуру, — когда-то было школьным материалом. Логика, как её столетиями преподавали, имела три части: учение о понятии, учение о суждении (нем. Urteil) и учение об умозаключении. Первая рассматривала определение, деление и соотношение (нем. Verhältnis) рода (нем. Gattung) и вида.

Это учение исчезло, и притом не потому, что было бы опровергнуто. Оно стёрто между двумя преемниками, ни один из которых его не перенимает. Теория множеств определяет множество через его элементы. Это точно и эффективно, и в этом не содержится определения порядка: перечисление произвольных вещей есть такое же множество, как любое другое, и правильно ли деление, на этом языке спросить нельзя. Формальная логика (нем. formale Logik) в связывании предложений развита куда тоньше, чем всё, что имела старая логика. Но она начинает с готовых предложений с готовыми понятиями. Как из необозримого предмета становятся понятия, с которыми затем можно считать, — не её предмет.

Между обеими лежит работа, о которой здесь идёт речь. Её нельзя формализовать, но она не произвольна: есть лучшие и худшие структуры, и на чём это себя показывает, можно указать.

Целое можно спрашивать несколькими способами; каждый вопрос даёт другую структуру. Первый лежит ближе всего к тому, что знала уже первая часть, к сортировке: какие есть виды?

глава 8: виды

Рисунок 1: Знак видов: три отдельные фигуры, без рамки. Расстояние между ними несёт значение.

8.1 Кит

Долго кит считался рыбой. Он живёт в воде, имеет обтекаемую форму и плавники, плавает. Сегодня он считается млекопитающим: дышит воздухом, теплокровен, рождает живых детёнышей и кормит их молоком. Оба деления образованы по признакам. Почему второе лучше?

Признаки, по которым кита делили раньше, связаны с жизненной средой. Кто живёт в воде и быстро движется, получает обтекаемую форму, независимо от того, рыба оно, млекопитающее или птица; у пингвина она тоже есть. Такие признаки — следствия обстоятельств и потому встречаются у совершенно разных животных. Признаки, по которым кита делят сегодня, встречаются вместе, и не случайно. Тёплую кровь, лёгочное дыхание и кормление детёнышей кит имеет общими с наземными животными, от которых он происходит; он их сохранил, когда его предки ушли в воду, хотя там они скорее мешают. Они следуют не из обстоятельств, а из того, что он есть.

Тем самым снова подхвачено то, что нашла гл. 7.5. Хорошее деление делит по тому, что принадлежит к основаниям вещи, а не по тому, что принадлежит к её обстоятельствам. Кит был переделён не потому, что кто-то предпочёл другую перспективу, а потому что показалось, какие признаки из каких следуют. Это отличие от порядка в отделениях из гл. 4: там признак был выбран. Здесь его ищут, а значит, можно и промахнуться.

Порядок↑ по видам будем называть *классификацией*. Его вопрос звучит: какие есть виды? Его члены стоят рядом друг с другом, исключают друг

друга и не происходят друг из друга: собака — вид млекопитающего, не его стадия.

8.2 Корректно и хорошо

Для делений действуют правила, которые знали уже отделения (гл. 4.2). На одной ступени признак не должен меняться; виды одной ступени должны исключать друг друга и вместе покрывать всё, что делится. Самую строгую форму, которую можно придать этим правилам, даёт дихотомия (нем. Zweiteilung): делят целое по одному признаку на то, что его имеет, и то, что его не имеет, и каждую половину делят снова так же. Телесное и нетелесное, телесное — на одушевлённое и неодушевлённое, одушевлённое — на ощущающее и неощущающее. Дихотомия не оставляет пробелов, ибо то, что не есть одно, есть другое.

У дихотомии есть цена. Она втискивает каждый предмет в последовательность решений «да-нет». Так устроены немногие предметы. И она неравномерна: одна половина определена через признак, другая только через его отсутствие. «Неощущающее» не говорит, что есть вещь, а лишь чего ей не хватает, и то, что поделено лишь так, легко рассматривается как остаток. Деление живых существ, как его сегодня проводит биология, эту цену не платит. Оно делит не надвое, а на столько членов, сколько есть: отряд распадается на произвольно много семейств, семейство — на произвольно много родов. И оно меняет признак от ступени к ступени. То, что различает на одной ступени, не различает на следующей, а то, что разделяет там, выше было безразлично. Это не нарушает правила, ибо на каждой отдельной ступени признак остаётся одним и тем же. Оно приспосабливается к предмету: у живых существ нет какого-то одного признака, который разделял бы на всех ступенях, и кто его навязывает, получает деление, которое формально правильно и ничего не объясняет.

Поэтому видно различие между корректным и хорошим делением. Корректно оно, если члены исключают друг друга и покрывают целое. Хорошо оно, если границы проходят там, где сам предмет делает различия, — если, следовательно, признак не просто разделяет, а что-то попадает в цель. Кто упорядочивает свои книги по цвету, поделил корректно, поскольку у каждой книги есть цвет, и не охватил от книги ничего.

За этим стоит нечто, выходящее за пределы деления. Определение (нем. Bestimmung) есть то, что оно есть, через то, что оно исключает. «Млекопитающее» значит нечто лишь потому, что есть животные, которые не млекопитающие. Поэтому деление — это попытка провести границы там, где нечто начинает быть другим, и оно терпит неудачу, не содержа логической ошибки, если проводит границы в местах, где у вещи их нет.

8.3 Где предмет не проводит границы

Где кончается оранжевый и начинается красный? Положите сто цветовых тонов рядом, от чисто жёлтого до чисто красного, каждый едва отличим от соседнего. Где-то пришлось бы провести черту, и каждую черту пришлось бы обосновать: почему здесь, а не на тон дальше? Языки проводят её поразному. У некоторых вообще нет собственного слова для оранжевого.

Возражение: Такие переходы есть не только у цветов. Между холмом и горой, между ребёнком и взрослым, между видом и тем, от которого он происходит, лежит не линия, а ход. Классификация↑, которая образует здесь классы, проводит границы, не встречающиеся в предмете, и принуждает каждую вещь к той или другой стороне. Она совершает насилие над ходом и выдаёт насилие за порядок.

Ответ: Правило из предыдущего абзаца уже содержит ответ. Хорошим является деление, чьи границы проходят там, где сам предмет делает различия. Где он их не делает, есть два честных пути. Можно обозначить границу как договорённость: совершеннолетие наступает в восемнадцать, не потому что в этот день что-то происходит, а потому что где-то нужна граница. Или классифицируют не вещи, а степени (нем. Grade). Недобросовестной классификация становится лишь тогда, когда с договорённой границей обращаются так, будто она найдена.

Пограничные случаи, следовательно, не опровергают классифицирование. Они дают сведения о том, где предмет не делает разреза, и где они накапливаются, там знают, что деление в этом месте есть договорённость.

Проблема стара. Греки знали её как ложное умозаключение о куче (нем. Trugschluss vom Haufen): ни одно отдельное зерно, которое убирают, не делает из кучи не-кучу, и всё же в конце не остаётся ни одного.

8.4 Когда деление не прекращается

Кто научился делить, может переусердствовать. Он гуляет с другом, и пока друг рассказывает, он сортирует: сейчас профессия, сейчас семья, сейчас то и другое. Он слушает, чтобы вкладывать, и то, что друг хочет сказать, теряется для него, потому что не подходит ни в один из его классов. У классификации здесь нет больше вопроса, которому она служит. Она упорядочивает, потому что может.

У принуждения к делению есть понятное основание. Кто может отнести нечто к виду, знает, чего ему ожидать; неклассифицированное, напротив, беспокоит. Но ожидание, которое даёт вид, лишь настолько хорошо, насколько хорош вид. Кто причислил человека после трёх фраз к виду, с четвёртой слышит лишь то, что к нему подходит. Поэтому предложение «Я не знаю, что это за случай» (DE: „Ich weiß nicht, was für ein Fall das ist“) — часто начало понимания, а не его провал.

8.5 На чём вид терпит неудачу

Кто знает, что кит — млекопитающее, знает о нём много: что он дышит воздухом, что он кормит детёнышей молоком, что у него тёплая кровь. Как работает его сердце, как устроено его лёгкое, как он может так долго задерживать воздух, он тем самым ещё не знает. Вид говорит, что кит имеет общего с другими и чем он от них отличается. Он не говорит, как он устроен.

Это граница классификации. Её члены стоят рядом, каждый — целое для себя, и деление касается отношения между ними, а не внутреннего устройства каждого. Сердце — часть собаки, но не вид собаки. Кто хочет знать, как устроена отдельная вещь, должен задать другой вопрос: из чего она состоит?

глава 9: части

Рисунок 2: Знак частей: одна-единственная замкнутая фигура, внутри которой проведены различия.

9.1 Два разложения велосипеда

Велосипед можно разложить двумя способами. Можно разложить его по веществу: сталь, алюминий, резина, пластик, немного кожи на седле. Это разложение (нем. Zerlegung) полно, каждый кусок подпадает под какое-то вещество, и для пункта приёма вторсырья оно правильное. Но можно разложить его и по тому, что он делает: рама несёт, два колеса катятся, привод передаёт силу ног, тормоза останавливают, руль управляет. Это разложение столь же полно, и для того, кто хочет понять или починить велосипед, оно правильное.

У второго разложения есть нечто, чего не хватает первому: оно говорит, почему это именно такие части. Транспортное средство, которое человек движет собственной силой, должно его нести, должно катиться, должно передавать силу, должно уметь останавливаться и управляться. Если одного из этого не хватает, это не пригодный велосипед; колесо без тормоза опасно, без руля едет прямо в ближайший поворот. Части следуют из того, для чего существует целое. Разложение по веществу, напротив, не говорит о велосипеде ничего, что не подходило бы и к куче лома.

Порядок↑ по частям будем называть *композицией*, по латинскому слову для составления; где речь о текстах, говорят обычно о структуре (нем.

Gliederung). Его вопрос звучит: из чего это состоит? В отличие от видов, части не являются каждая для себя целым; они — члены одного-единственного целого и лишь в нём являются тем, что они есть. Руль, который не висит ни на каком велосипеде, не управляет ничем.

9.2 Что делает структуру хорошей

То же различие действует для всякой структуры. Кто должен прочитать доклад на большую тему, может построить его по истории, по подобластям, по применениям или по спорным вопросам. Возможна каждая из этих структур, только каждая задаёт теме другой вопрос. Какая из них правильная, зависит прежде всего от того, что должен дать доклад: это снова перспектива из гл. 3. Но внутри каждой из этих структур есть лучшие и худшие. Структура по подобластям, которая лишь перечисляет свои подобласти, хуже той, которая показывает, почему область распадается именно на такие части.

Число частей определяет при этом дело, а не желание круглого числа. У велосипеда столько частей, сколько задач он должен исполнять; у тела столько органов, сколько достижений ему нужно. Кто непременно хочет разделить доклад на три пункта, потому что три пункта хорошо запоминаются, имеет основание, но основание слушателя, а не дела. Это может быть правомерно; только не следует путать это со сведениями о теме.

9.3 Когда структура становится важнее структурируемого

И структурирование можно переусердствовать. Кто готовит доклад и вместо содержания часами размышляет, должно ли быть три или четыре главных пункта и не назвать ли раздел 3.2.1 лучше 3.1.2, тот отделил структуру от структурируемого. Структура видима и позволяет показывать, проверять, улучшать. Мысль схватить труднее, тем более что она часто возникает лишь при письме. Поэтому работа над структурой — удобное бегство от работы над мыслью.

Противоядие просто и неудобно: сначала развить содержание и из него получить структуру. Структура, которая возникает из содержания, имеет

разрывы там, где разрывы имеет содержание. Это её преимущество. Структура, которая закрепилась до содержания, гладка и не говорит о нём ничего.

9.4 Структура научно-популярной книги

Научно-популярная книга — это композиция лишь с одним рядом (гл. 4.3): то, что пишущий видит рядом друг с другом, читатель должен читать друг за другом. Её части — главы, и каждая должна иметь задачу, которая следует из целого, как тормоз из езды. Глава, которую можно вычеркнуть, не навредив ходу мысли, — не часть, а придаток.

Три ошибки повторяются при структурировании научно-популярных книг так регулярно, что их можно узнать как образец. Они накапливаются там, где тексты возникают в большом количестве и быстро, и больше всего там, где их пишут программы. Первая — одинаковый план для каждой главы: вступление, прояснение понятий, три подвида с сильными и слабыми сторонами, возражение, решение, переход. Такой план закрепляется до содержания и говорит о нём столько же, сколько разложение велосипеда по веществу: каждая глава в него помещается, независимо от того, о чём она. Вторая — список на месте перехода. Кто ставит три пункта друг под другом, тому не нужно говорить, как второй следует из первого, а именно эти переходы и были бы аргументом. Третья — объявление: один абзац говорит, что покажет глава, вместо того чтобы показать, а в конце другой говорит, что она показала.

Контрольная проба та же, что у велосипеда. Можно ли о каждой главе сказать, почему она стоит на этом месте и что передаёт следующей? Можно ли на каждом переходе сказать, на чём предыдущее потерпело неудачу или что оно оставило открытым? Тогда структура получена из содержания. Если этого сказать нельзя, она ему навязана, и читатель замечает это не позднее третьей главы, которая выглядит как вторая.

9.5 На чём разложение терпит неудачу

Руль управляет только на велосипеде. Но и велосипед едет только по дороге, с человеком на нём, который крутит педали, управляет и тормозит. Свою задачу тормоз имеет лишь в отношении к дороге, чей уклон и чья влажность определяют, как сильно он должен хватать. А седло настроено для этого

человека; для другого оно должно быть выше или ниже. Части велосипеда — части целого, которое, в свою очередь, является тем, что оно есть, лишь в связи с другим.

К тому же одна и та же часть может входить в несколько целых. Сердце — часть этого тела, а после пересадки — часть другого. Сотрудник — часть своего отдела, своей семьи и своего кружка, и в каждом он другая часть. Разложение целого говорит, из чего оно состоит; с чем связаны оно и его части, оно не говорит. Об этом спрашивает следующий порядок.

глава 10: связи

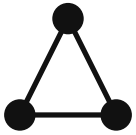

Рисунок 3: Знак отношения: несколько фигур, соединённых линиями.

10.1 Всё связано со всем

Кому предлагают новую должность в другом городе, думает не только о должности. Он думает о семье, которая должна переехать или остаться, о квартплате в новом городе, о друзьях, о школе детей, о дороге на работу, о стареющих родителях. Каждая из этих связей действительна, каждая снова связана с другими. Квартплата зависит от расположения, расположение — от дороги на работу, дорога на работу — от времени, которое остаётся для детей.

Порядок↑, который следует таким связям, будем называть *отношением* (нем. Relation), по латинскому слову для связи. Его вопрос звучит: с чем это связано? Он упорядочивает не по видам и не по частям, а вяжет нити; его сеть (нем. Netz) и есть порядок.

Трудность этого порядка показывается сразу. Связей существует неограниченно много, и всё как-то связано со всем. Кто должен решать о должности, не может проследить каждую связь. Он должен знать, какие несут. Для этого помогает различать связи по тому, как они связаны.

10.2 Три вида связи

Некоторые связи лишь наблюдаемы. У кого больше образования, зарабатывает в среднем больше: это показывают числа. Почему, они не показывают. Может быть, образование делает возможным более высокий доход; может быть, у обоих общая причина (нем. Ursache), например происхождение, которое облегчает и более долгое обучение, и лучшие места. Такая связь будем называть *фактической* (нем. faktischer Zusammenhang). Она действительна, но не говорит, как возникает.

Другие связи — действия. Задержка в трубе заставляет душ колебаться (гл. 6.1); процент удорожает кредит, а дорогой кредит тормозит строительство домов. Такая связь будем называть *функциональной* (нем. funktionaler Zusammenhang). Она говорит, что на что действует, а тем самым и то, что изменится, если вмешаться.

Ещё другие связи лежат в том, чем являются вещи. Покупатель и продавец связаны, потому что один без другого не был бы тем, чем он является; кто покупает, покупает у кого-то. Такая связь будем называть *понятийной* (нем. begrifflicher Zusammenhang). Её не нужно наблюдать и не нужно производить; кто понимает дело, понимает её вместе с ним.

Три вида легко спутать, и большинство ложных выводов (нем. Fehlschlüsse) в мышлении отношениями — такие смешения. Кто из числа, что образованные зарабатывают больше, заключает, что образование повышает доход, принял фактическую связь за функциональную. Он может быть прав; доказал он это нет.

10.3 Дерево и сеть

Порядки первой части давали каждой вещи место. Письмо из гл. 4.3 лежало в одной папке, и то, что должно было бы относиться к двум местам, отсутствовало во втором. Порядок↑ по связям этого не требует. Он может связывать одну и ту же вещь со многим.

Кто сегодня упорядочивает файлы, имеет в распоряжении и то и другое и обычно пользуется обоими. Дерево папок иерархично: каждый файл лежит ровно в одном месте, и тот, кто его ищет, идёт к нему сверху по пути. Присвоение ключевых слов устроено иначе: один и тот же файл несёт произвольно много меток, и тот, кто его ищет, получает доступ через одну из них. Дерево подходит там, где дело однозначно относится к какому-то

месту и путь известен. Метки подходят там, где дело вызывает интерес в нескольких аспектах и неизвестно, в каком из них его будут искать позже.

Библиотеки разработали для второй формы собственное учение — фасетную классификацию. Вместо того чтобы один раз помещать предмет в определённое место, она описывает его по нескольким независимым осям — материал, способ, место, время — и допускает любую связь. Дерево с пятью признаками имело бы пять ступеней и фиксированную последовательность; фасетный порядок имеет пять осей и никакой последовательности. В программировании встречается та же противоположность. Наследование — это дерево: класс наследует от суперкласса, и то, что имеет силу наверху, имеет силу для всего, что ниже. Оно работает, пока вещи стоят в одном порядке, и становится непригодным, как только дело оказывается определённым сразу в нескольких аспектах. Ответом на это являются строительные блоки, которые можно соединять друг с другом: вместо того чтобы спрашивать, чем нечто является, определяется, что оно может, и эти способности связываются между собой.

Вопрос из гл. 4.3 этим не разрешён, а лишь перенесён. Произвольные метки, сортировки и фильтры существуют только там, где кто-то предусмотрел и построил для них поля — для данных вообще и для этих данных в особенности. Архив без поля для отправителя не может фильтровать по отправителям, каким бы гибким он ни был в остальном. Какие аспекты имеют значение, решается тогда не при размещении, а при построении системы. Решение принимается один раз, на все будущие случаи, и потому его легче упустить из виду, чем решение регистратора, которому перед каждым письмом приходилось выбирать заново.

Тот же вопрос возникает там, где упорядочиваются не письма, а задачи. Государство распределяет их по министерствам и ведомствам, фирма — по отделам, и у каждой задачи есть тем самым ровно одно место. Связи самого дела не подчиняются этому. Новая дорога затрагивает транспорт, воздух, здоровье и бюджет, и каждое ведомство видит в ней то, за что оно отвечает. Кто сводит части воедино лишь наверху — в кабинете министров или в кругу руководителей отделов, — видит лишь то, что одно из ведомств уже увидело; то, что лежит между ними, не лежит ни в одной папке. Поэтому администрации накладывают поверх дерева своих сфер ответственности сеть: совместные рабочие группы, обязанности привлекать другие инстанции, инстанции, которые поперёк всех смотрят на целое. Насколько хорошо она держит, решается, как и у архива, при построении — по тем связям, которые предусмотрены.

Поэтому дерево и сеть не являются мировоззрениями, между которыми следовало бы выбирать. Они представляют собой формы порядка с разными сильными сторонами, и выбор определяется предметом и целью. Кто упорядочивает свод законов, нуждается в однозначности и выбирает дерево. Кто систематизирует исследовательскую литературу, нуждается в множественном доступе и выбирает метки. Кому нужно и то и другое, берёт и то и другое, и большинство систем поступает именно так.

10.4 Когда связь читается неверно

В одном квартале регистрируется больше преступлений, чем в остальных. Число верно. Читается оно обычно как высказывание о жителях: там, мол, люди преступнее. То, что в этом квартале также больше контролируют и потому больше обнаруживают, в этом прочтении исчезает. А прочтение действует: где предполагают больше преступности, там больше контролируют, и следующая статистика подтверждает предыдущую.

Возражение: Из этого можно получить возражение против мышления отношениями (нем. Beziehungsdenken). Кто констатирует связи, не только констатирует. Он выбирает, какие связи проводятся, и навязывает, как их читать. Так сеть связей может представить порядок вещей естественным — как раз потому, что каждая отдельная связь верна.

Ответ: Возражение точно описывает ошибку, против которой было проведено различие трёх видов связи. Между кварталом и числом зарегистрированных деяний существует фактическая связь. Читать её как функциональную, как действие жителей на число, требует доказательства, которого число не даёт. Сокрытие происходит не потому, что мыслят связи, а потому, что один вид связи выдают за другой. То, чего не хватает, показывается, как только кто-то проводит пропущенную линию: от контроля к регистрации и от регистрации обратно к контролю.

Критика сети связей, следовательно, сама есть мышление отношениями, и притом более точное. Она спрашивает, какого вида связь, и проводит ту, которой не хватает.

Что знание и власть не внешни друг другу, а взаимно порождают друг друга, — основная мысль в творчестве Мишеля Фуко.

10.5 Когда всё связано со всем

Кто хочет купить кофемашину, может связать решение с условиями труда на плантациях, с расходом электричества, с мусором капсул, с местом на кухне, со вкусом гостей и с бюджетом ближайших лет. Каждая из этих связей правомерна. Кто прослеживает их все, не покупает никакой кофемашины.

У мышления отношениями есть собственное преувеличение — такое, которое выглядит как основательность. Кто видит много связей, кажется умным и ответственным, и часто он таков. Но за связыванием может прятаться боязнь решения: пока есть ещё связь, которая не продумана, не нужно решать. Вопрос, который помогает против этого, — не с чем связано нечто, а какие связи несут на этом месте. Это снова перспектива из гл. 3, теперь применённая к сети.

10.6 На чём сеть даёт сбой

Сеть показывает, с чем связано нечто, но показывает это в одно мгновение. Кто описывает спор в отделе, кто в нём участвует, кто с кем состоит в союзе, кто кому что ставит в упрёк, тот нарисовал сеть, возможно, даже полную. И всё же каждый, кто это слышит, спрашивает: как это началось? Сегодняшняя сеть — не сеть прошлого года, и тот, кто знает только нынешнюю, видит позиции, но не видит, почему они таковы, и не видит, что когда-то они были иными.

Все три порядка этой части имеют это общим. Роды, части и связи останавливают свой предмет. Они спрашивают, что он есть, из чего состоит, с чем связан, и при этом предполагают, что за это время он не меняется. Для многих предметов это не вредно; ящик для инструментов можно разделить, и время при этом не имеет значения. Для других это и есть сама ошибка. Кто это замечает, задаёт следующий вопрос: что движется и к чему?

Дальнейшее чтение: *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Гл. 15.8, *Организация* (2026), Гл. 3

глава 11: ходы

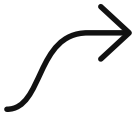

Рисунок 4: Знак процесса: кривая дорога со стрелкой. Кривая, потому что прямая стрелка утверждала бы прогресс там, где имеется в виду лишь ход.

11.1 Как это началось

Вопрос «Как это началось?» (DE: „Wie hat das angefangen?“) ищет то, чего не хватает в описании спора: ход. Описанный как состояние, конфликт выглядит как расположение позиций. Описанный как ход, он показывает, почему позиции стоят так.

То же действует и в других местах. Жалобы больного дают картину, но часто лишь их ход даёт диагноз: пришла ли горячка внезапно или поднималась медленно, возвращается ли она каждый третий день. На здании с трещинами расположение трещин говорит меньше, чем то, как они росли. А кто хочет знать, что значит спорное слово, смотрит, как дошло до того, что оно значит это.

Порядок↑ по ходу будем называть кратко *ходом* (нем. Verlauf), с устоявшимся иностранным словом *процесс* (нем. Prozess). Его вопрос звучит: что движется и куда?

11.2 Когда вещь можно схватить только как ход

Не каждый предмет требует этого вопроса. Ящик для орудий можно поделить, и время при этом ничего не меняет; алфавит так же. Вопрос, который решает, звучит: меняется ли то, что есть нечто, оттого, что проходит время?

У молотка — нет. Он изнашивается, но остаётся молотком. У человека — да: ребёнок — не маленький взрослый, а нечто другое, и описание, подходящее к одному, не попадает в другое. У учреждения — тоже: объединение в год своего основания и то же объединение сто лет спустя — не одно и то же с другими членами.

Где ответ «да», там структура, которая останавливает предмет, не просто неполна. Она описывает состояние и выдаёт его за вещь.

11.3 Куда движется нечто

То, что нечто меняется, — ещё не порядок; меняется всё. Порядок↑ по ходу возникает лишь тогда, когда указано, куда. «Сначала было так, потом так, потом так» (DE: „Erst war es so, dann so, dann so“) — это перечисление состояний, а не структура. Это то же требование, которому должны были удовлетворять уже виды и части: деление, не называющее своего признака, — не деление, и ход, не называющий своего принципа, — не ход.

Принципы различны, и можно различить некоторые. Кое-что растёт: становится больше тем, что оно есть, не меняя своего вида, как коллекция или состояние. Кое-что зреет: проходит стадии, которые происходят друг из друга и не переставимы, как организм (нем. Organismus), умение, понимание. Кое-что возвращается: движение приходит назад, не меняя состояния в целом, как времена года или смена напряжения и отдыха. Кое-что нарастает, пока не опрокидывается: изменение есть изменение большего или меньшего, пока на пороге не становится изменением вида, как вода, которая замерзает, или спор, который эскалирует. И кое-что распадается: теряет то, что держало его вместе, и части остаются.

Кто хочет упорядочить ход, ищет его принцип и часто находит несколько, сменяющих друг друга. Спор нарастает, пока не опрокидывается; после этого он возвращается в более мягкой форме; когда-нибудь связь распадается или зреет. Структура тогда состоит в том, чтобы назвать переходы, а не станции.

11.4 Ритм

Одна форма движения заслуживает особого внимания, потому что касается самого упорядочивания. Кто дольше думает над делом, замечает смену двух движений. В одном он собирает: открывается для материала, подхватывает точки зрения, даёт делу стать необозримым. В другом он упорядочивает: сгущает, решает, опускает.

Оба движения необходимы, и у обоих есть своё искушение. Кто остаётся в собирании, никогда не приходит к результату; у него всегда есть ещё один источник. Кто упорядочивает слишком рано, имеет результат, который не выдерживает материала. Смена идёт от дела: упорядочивание предполагает материал, а собирать материал стоит лишь до тех пор, пока существующий порядок его больше не охватывает. Ритм↑ — это форма движения действия, которое нуждается в обоих и не может оба сразу.

В большем масштабе то же возвращается, как на винтовой лестнице (нем. Wendeltreppe): понимание приходит к тем же вопросам, но на виток выше. То, что годы назад казалось прояснённым, показывает новые стороны — не потому что прежнее понимание было ложным, а потому что понимающий тем временем увидел больше. И это тоже ход с принципом: каждое возвращение приносит с собой то, что прибавилось с последнего раза.

11.5 Когда виды суть стадии

У некоторых предметов виды, которые различают, суть одновременно стадии, порождающие друг друга.

Письмо — пример. Письменности можно поделить по тому, что представляет знак: вещь, слово, слог, звук. Это деление по видам: каждую письменность можно рассмотреть с точки зрения того, какому виду она следует. Это вместе с тем, в грубых чертах, последовательность во времени, и притом имеющая основание. Письменность, которой для каждого слова нужен собственный знак, нуждается в тысячах знаков; кто начинает использовать знаки по их звучанию для других слов, нуждается в меньшем, а кто разлагает звучание вплоть до отдельных звуков, обходится немногими дюжинами. Каждый вид решает проблему предыдущего.

Кто это разделяет, теряет нечто. Кто читает виды письменности лишь во времени, имеет хронику без основания: одно просто следовало за другим. Кто читает их лишь как виды, имеет деление без основания: есть четыре, а то, что они появились в этой последовательности, было бы случайностью.

Прочитанное вместе, получается третье. Виды потому являются стадиями, что каждый образован на том, на чём предыдущий потерпел неудачу. А это сведения о предмете, не о методе: где виды и стадии совпадают, там имеешь дело с чем-то, что развивается из проблемы.

11.6 Два порядка одновременно

То, что одновременно действуют два способа упорядочения, встречается часто, двумя различными способами. У письма один захватывает другой: виды *суть* стадии, и оба понимаются лишь вместе. Путеводитель по городу, напротив, имеет обычно три части: историю города, его кварталы и его достопримечательности по видам — музеи, церкви, парки. Это три вопроса к одному и тому же предмету: один раз по ходу, один раз по частям, один раз по видам, и они стоят друг за другом, потому что оглавление знает лишь один ряд (гл. 4.3). В первом случае одно входит в другое, во втором одно лежит рядом с другим. Кто оба путает, либо принимает простое соседство за внутреннюю связь, либо не замечает связь, которая существует.

11.7 На чём ход терпит неудачу

Ход показывает, как нечто стало, и может указать, куда. Но где виды и стадии совпадают, он показывает больше, чем сам может объяснить. Почему каждый вид письменности образован именно на проблеме предыдущего, последовательность стадий не говорит; она показывает лишь, что так было. Вопрос, который здесь встаёт, выходит за пределы хода: есть ли порядок, в котором члены получаются из одного-единственного основания, так что сам порядок говорит, почему это именно эти члены и почему в этой последовательности?

глава 12: саморазвёртывание

Рисунок 5: Знак саморазвёртывания: треугольник, в котором вписан перевёрнутый, чьи вершины касаются середин сторон. Та же фигура повторяется в каждой его части.

12.1 Числа

Числа, с которыми учатся считать в школе, имеют роды: натуральные, целые, рациональные, реальные. Их можно выучить наизусть, как названия городов. Но можно также увидеть, почему они существуют.

С натуральными числами — один, два, три — можно считать и складывать, причём каждое сложение выполнимо. Вычитание выполнимо не всегда: три минус пять не является натуральным числом. Чтобы оно было выполнимо, нужны отрицательные числа, а с ними и целые. С целыми числами каждое вычитание выполнимо, но не каждое деление: семь разделить на три не является целым числом. Чтобы оно было выполнимо, нужны дроби, рациональные числа. С ними каждое деление выполнимо, но не каждое извлечение корня: никакое рациональное число, умноженное само на себя, не даёт два. Чтобы оно было выполнимо, нужны новые числа; реальные числа закрывают не только эту лакуну, но и все лакуны числовой прямой. И игра продолжается: и среди них нет числа, квадрат которого равен минус единице.

Этот порядок имеет нечто, чего не имел ни один из прежних. Он говорит, почему это именно данные роды: каждый возникает из того, что некоторая операция в предыдущем не выполнима. Он говорит, почему они стоят в этой последовательности: ни один не может быть образован раньше

предыдущего, ведь именно на нём обнаруживается операция, которая не выполнима. И он говорит, что у всех у них общее: это числа, с которыми можно производить вычисления, каждый род — способ сделать вычисления более полными. Роды здесь одновременно являются ступенями, которые надстраиваются друг над другом, как в случае письменности (гл. 11.5). Только последовательность здесь не историческая, ведь то, что квадратный корень из двух не является дробью, знали задолго до отрицательных чисел. Это последовательность построения, и её основание лежит открыто: единственное требование, чтобы вычисление было выполнимо.

12.2 Всеобщее, особенное, единичное

На числах можно различить три стороны, которые возвращаются во всяком порядке этого рода. Есть всеобщее (нем. Allgemeines), которое во всех членах одно и то же: вычисление, которое должно сходиться. Есть особенное↑ (нем. Besonderes), на которое всеобщее членится: виды чисел. И есть единичное (нем. Einzelnes), в котором целое становится действительным: это число, корень из двух, одна треть, минус пять. Обособления (нем. Besonderungen) не повешены на всеобщее извне; они следуют из него, как только его рассматривают при определённых условиях, здесь: при условии, что определённое вычисление должно сходиться.

То же можно показать на деле, которое не из математики. Всеобщее демократии — то, что управляемые определяют правительство. Как это происходит, зависит от условий. В общине, чьи граждане помещаются на одной площади, они могут сами совещаться и голосовать. В стране с миллионами они не могут, и потому выбирают представителей. Виды демократии, непосредственная и представительная, — следовательно, не произвольные формы, случайно носящие одно и то же имя; они суть всеобщее при различных условиях. А действительной демократия становится всегда лишь как единичное: в этом общинном собрании, в этом парламенте, с этими людьми.

Порядок↑, в котором особенное получается из всеобщего при условиях и становится действительным в единичном, будем называть здесь *саморазвёртыванием* (нем. Selbstentfaltung), потому что в нём дело порождает свои члены из себя. Это снова то, что гл. 7 называла достаточным основанием: всеобщее с его условиями. Новое в том, что основание здесь объясняет не отдельное событие, а целую расчленённую область.

Для всеобщего, которое так порождает свои обособления из себя, и для целого, которое так расчленено, язык имеет два старых слова, которые он в повседневности употребляет слабее. Всеобщее называется *понятием* вещи. Обычно так называют уже слово с его значением; но кто имеет понятие числа, знает не только слово, он видит, почему есть натуральные, целые, рациональные и действительные числа. Целое, чьи члены дают себя так понять из одного основания, называется *системой*. Обычно так называют всякий устойчивый порядок, даже картотеку. Мыслить систематически в этой книге значит больше: упорядочивать дело так, чтобы можно было сказать, почему его члены именно таковы, и — там, где этого сказать нельзя, — тоже знать это (гл. 12.3).

Эксперимент 5: Проба на вычитание

Попробуйте объяснить богатое понятие, например демократию, только двумя из трёх сторон: сначала лишь всеобщим и единичным, затем лишь всеобщим и особенным, наконец лишь особенным и единичным. Чего каждый раз не хватает?

Три попытки терпят неудачу по-разному. Лишь всеобщее и единичное: «Демократия значит, что управляемые определяют правительство; вот пятьдесят примеров» (DE: „Demokratie heißt, dass die Regierten die Regierung bestimmen; hier sind fünfzig Beispiele.“). Не хватает того, что членит примеры; почему они выглядят так по-разному, остаётся необъяснённым. Лишь всеобщее и особенное: «Демократия членится на непосредственную и представительную» (DE: „Demokratie gliedert sich in unmittelbare und vertretende.“). Не хватает случая; есть обзор, и неизвестно, подпадает ли под него вчерашнее собрание. Лишь особенное и единичное: «Есть парламенты, советы, референдумы, общинные собрания…» (DE: „Es gibt Parlamente, Räte, Volksabstimmungen, Bürgerversammlungen …“) Не хватает того, что их держит вместе; есть много форм, и неизвестно, почему они носят одно и то же имя.

Три стороны — не правило, по которому всё должно иметь три части. Число видов и частей определяет дело (гл. 9.2); у чисел больше трёх видов, у демократии две основные формы. Три стороны — три способа, которыми одно и то же понимание должно находиться при деле, если оно должно быть полным: при всеобщем, при его обособлениях и при случае.

12.3 Как далеко это несёт

Числа — самый благоприятный случай. Их виды можно полностью вывести из всеобщего и из требования, чтобы вычисление сходилось, и у каждого отдельного числа всё, чем оно является, следует из его определения. У других предметов саморазвёртывание несёт меньше.

У живых существ можно понять кое-что. Что животное, которое летает, должно быть легко устроено, понимают из полёта; что у травоядного более длинный кишечник, чем у плотоядного, — из пищи. Но почему есть именно эти виды бабочек, а не другие, не понять ни из какого всеобщего; у этого есть история, и она полна случайностей. У регистратуры из гл. 4.3 саморазвёртывание не несёт вообще. Что есть папка «Мать» и папка «Налоги», не следует ни из какого понятия картотеки, а из жизни того, кто её ведёт.

Из этого следует правило для упорядочивания. Где структура получается из всеобщего, её следует изображать так, чтобы это было видно. Где она не получается, порядок остаётся внешним, и это следует знать, а не придавать ему видимость необходимости. Большинство предметов лежит между: их крупные черты можно понять, в дальнейшем ветвлении усмотрение теряется.

12.4 Как находят всеобщее

В случае чисел всеобщее лежит открыто. У большинства предметов его нужно искать, и поиск имеет форму, которой можно научиться. Всеобщее↑ определяют предположительно, проверяют, можно ли понять из него особенности, и улучшают определение, пока это не удастся.

Проверка ведётся в двух местах. Одно — это пограничные случаи: относится ли это ещё сюда? А это уже нет? Где остаётся неясность? Другое — это диапазон: какие различные формы существуют внутри границ и каковы крайние? В астрономии долгое время планетой считалось то, что обращается вокруг Солнца и достаточно велико, чтобы его можно было видеть как шар. Когда за Нептуном находили всё больше тел, некоторые почти такие же большие, как Плутон, а одно даже более тяжёлое, приходилось называть их все планетами или менять определение. Астрономы изменили его в 2006 году: планета также должна расчистить свою орбиту от других тел. Плутон тем самым выпал. Пограничный случай сделал всеобщее более точным, и новое определение говорит, почему восемь планет образуют отдельный род: они господствуют на своих орбитах, другие делят их со многими.

На пограничные случаи наталкивается не только наука. Каждый наталкивается на них, когда при употреблении слова колеблется. Кто-то называет голосование демократичным, и что-то внутри заставляет остановиться: голосовать могли все, но знали ли все, о чём они голосуют? Мог ли каждый сказать, что он думал? Зависел ли результат от голосования или был заранее решён в другом месте? В этом колебании слово стало вопросом, и на нём проверяется определение из гл. 12.2, что управляемые определяют правительство. Оно не было ложным, но слишком грубым, ведь определять означает больше, чем голосовать. Оно предполагает, что человек знает, о чём решает, что он может высказаться и что решение действительно находится у тех, кто голосует. Поэтому колебание — это не недостаток ясности. Это место, где понятие становится точнее, а кто проходит мимо, сохраняет слово и оставляет понятие таким, каким оно было. Там, где сам не колеблешься, часто колеблется другой, потому что знает другие случаи; некоторые пограничные случаи находят только в разговоре. Более точное определение лучше обосновано, чем более грубое, потому что оно отвечает на то, на чём то застряло. Оно не является единственно возможным: тот, кто исходит из других случаев, возможно, точнее сформулирует иначе, что значит, что управляемые определяют правительство, например, так, что они могут снова избавиться от правительства без насилия.

Обе проверки уточняют друг друга. Новый пограничный случай заставляет точнее схватить всеобщее, а более точно схваченное всеобщее заново упорядочивает формы. Поиск заканчивается, когда найдено определение, из которого можно понять как границы, так и диапазон. Он заканчивается предварительно, потому что следующий пограничный случай может снова его открыть.

12.5 Понятия, которые изменяют свой предмет

Кто считается безработным, решает дефиниция. Считается ли тот, кто проходит переобучение? Тот, кто работает два часа в неделю? Тот, кто оставил поиск? В зависимости от ответа число растёт или падает, хотя в положении ни одного человека ничего не изменилось. Но дефиниция действует обратно. Кто больше не считается, получает другие пособия и другие письма из ведомства, а возможно, вскоре видит себя иначе.

Возражение: Понятия не просто описывают, что есть. Они устанавливают, что считается чем, и у людей они изменяют то, что устанавливают. Диагноз,

категория статистики, обозначение группы порождают людей, которые узнают себя в ней и с которыми обращаются по ней. Не является ли тогда образование понятий формой власти, выдающей себя за познание (нем. Erkennen)?

Ответ: Наблюдение верно, и у людей оно весит тяжелее, чем у вещей: камень не меняется, если его вкладывают иначе, человек при известных обстоятельствах — да. Но понятие формирует свой предмет не произвольно. Люди, которых оно охватывает, отвечают ему. Они оспаривают, что оно им подходит, проваливаются сквозь его сетки, становятся иными, чем оно предсказывало. Понятие↑, которое формирует свой предмет, встречает не меньше сопротивления, чем понятие о камнях. Оно встречает того, кто может говорить.

Из этого следует обязанность, а не облегчение. Где понятие действует обратно, его надо проверять чаще, и затронутые принадлежат к тем, на ком оно должно себя проверять. Они — пограничные случаи из гл. 12.4, которые могут противоречить.

Что понятия и порядки знания порождают то, что они, кажется, описывают, Мишель Фуко исследовал на безумии, болезни и наказании. Как категории действуют обратно на людей, которых они охватывают, точнее описал Иэн Хакинг.

12.6 Саморазвёртывание и остальные четыре

Саморазвёртывание↑ стоит не рядом с другими способами упорядочения, а принимает их в себя. Всеобщее↑ членится наружу на виды: виды чисел, формы демократии. Внутрь оно членится на части: к представительной демократии принадлежат выборы, парламент, правительство, ответственное перед ним, — каждая из этих частей с задачей, которая следует из всеобщего. Между членами существуют связи, и притом понятийные: парламент есть то, что он есть, лишь в соотношении с избирателями и правительством. А там, где обособления происходят друг из друга, как у чисел, где каждый вид образован на предыдущем, виды суть одновременно ступени — в истории или только в построении.

Остальные четыре способа упорядочения задают делу каждый по одному вопросу. Саморазвёртывание спрашивает, почему ответы на эти четыре вопроса выпадают так, как выпадают. Поэтому оно стоит в конце. Оно не

пятый способ наряду с четырьмя, а порядок, в котором четыре имеют своё основание — там, где они его имеют.

Для этого принятия в себя есть слово, которое говорит три вещи сразу: там, где четыре имеют своё основание в саморазвёртывании, они в нём *сняты* (нем. aufgehoben). Тогда они значимы уже не сами по себе, ибо их основание лежит в этом порядке. Они остаются в нём сохранёнными, ибо виды чисел по-прежнему виды, а части демократии — части. И они стоят в нём выше, потому что теперь видно, почему они выпадают так. Снятие↑ в этом тройном смысле — завершать, сохранять и поднимать выше — есть основное движение мышления. *Истина* (2025) показывает его там, где разрешается противоречие (нем. Widerspruch); здесь оно показывается на том, как один порядок принимает в себя другие.

Дальнейшее чтение: *Истина*, Гл. 8

глава 13: какой порядок лучше?

13.1 Подходящий вопрос

Кто стоит перед необозримой ситуацией, не задаёт все пять вопросов подряд. Он задаёт тот, которого ему не хватает, а чего ему не хватает, обычно показывается раньше, чем он может это назвать. Кто не знает, с чем имеет дело, спрашивает о виде: что это за случай, знаю ли я похожие? Кому всего слишком много сразу, тот раскладывает: из каких частей это состоит, какая часть создаёт трудность? Кому кажется, что нечто висит в воздухе, тот спрашивает о связях: с чем это связано, кто ещё затронут? Кому описание кажется правильным и всё же не попадает, тот спрашивает о ходе: как это возникло, с каких пор так идёт? А кому порядок гладко сходится и всё же кажется произвольным, тот спрашивает об основании: почему именно эти члены?

Порядок↑ возникает не оттого, что задают все вопросы, а оттого, что задают правильный. Иногда достаточно одного. Кто хочет знать, в какую папку относится дело, не нуждается в истории дела. Иногда нужно несколько, и тогда они входят друг в друга: как делишь предмет, меняет, что кажется его частью, а как его раскладываешь, меняет, какие связи становятся видимыми.

13.2 Три ступени

Если возможны два порядка одного и того же предмета, какой предпочесть? Ответ имеет три ступени и действует для всех способов упорядочения.

Первая — охватывание. Порядок↑ лучше, если вмещает больше от предмета: немногие виды, под которые подпадают многие случаи, без остатка; немногие части, из которых понимается целое. Это сгущение из гл. 2.4.

Вторая — сохранение того, на что направлено. Одного охватывания недостаточно, иначе самое сильное сгущение было бы лучшим, а гл. 2.4 показала, что это не так. Порядок, который вмещает всё, выравнивая различия, на

которые направлено, охватил много и не объяснил ничего. То, на что направлено, определяет сначала вопрос (гл. 2.5, 3.2), а затем, где находится основание, — дело (гл. 7.5).

Третья — со-объяснение собственного принципа. Хороший порядок не только говорит, какие члены есть, но позволяет узнать, почему это они. Это даёт саморазвёртывание, в степенях (гл. 12.3). Где это не удаётся, порядок остаётся внешним, и тогда лучше сказать это, чем скрывать.

И порядок, который ещё не знает своего принципа, может быть больше, чем внешним. Когда Дмитрий Менделеев в 1869 году расположил известные элементы по их атомному весу и поставил их так, что элементы со сходными свойствами попали в один столбец, остались пробелы. Он оставил их открытыми, предсказал, что там не хватает элементов, и указал, какой вес и какие свойства они должны иметь. В следующие семнадцать лет были найдены три из них — галлий, скандий и германий, — и они подошли. Почему таблица построена именно так, Менделеев не знал; это показало лишь строение атомов. Но его порядок показывал, где ему чего-то не хватает, и тем самым оказался больше, чем удобное расположение.

Плохой порядок узнают по тому, что он разрастается. Для каждого нового случая ему нужна новая категория, для каждого отклонения — исключение (нем. Ausnahme), для каждого контрпримера — особый случай. Тогда он охватывает всё и не объясняет ничего. Потерпеть неудачу он не может ни на одном случае, потому что для каждого создаёт место. Порядок, который со-объясняет свой принцип, напротив, можно применять к случаям, которых не было при его образовании, и он показывает, когда случай не подходит. Именно на этом месте у него учатся.

Что думать о числе членов, следует отсюда. Оно редко является решающим. Где порядок различает виды или части, число определяет дело, как бы велико оно ни вышло. Иначе там, где порядок прослеживает, как определение становится точнее. Там получаются три члена: первая версия, которая в грубом совпадает с делом; пограничный случай, на котором обе расходятся, не разделяясь полностью; и более точная версия, которая снова совпадает и теперь разворачивает то, что показал пограничный случай. Так определение планеты в гл. 12.4 прошло через тела за Нептуном к более точному — на виток выше, как на винтовой лестнице из гл. 11.4. Эти три члена есть у всякого движения мышления, в котором определение становится точнее, но не у всякой структуры: ход в деле может расти, опрокидываться или распадаться, не следуя им (гл. 11.3). И каждый из трёх можно членить дальше; тогда их становится больше, без изменения движения. Кто спорит о числе, спорит поэтому чаще всего о ложном вопросе. Проверять надо не то, три

или четыре, а то, несёт ли каждый член что-то и не не хватает ли чего-то вместе.

13.3 Ссылки

Никакой порядок не размещает каждую вещь в каждом месте, к которому она относится, и никакое изложение не может показать всё одновременно (гл. 4.3). То, чего не хватает на втором месте, можно принести туда ссылкой (нем. Verweis). Но ссылки не все одного рода, и кто их заводит, должен знать, какого рода его.

Два места порядка могут быть связаны двумя способами: своим положением в порядке или делом, о котором они говорят. Положением они связаны, если занимают в своей структуре одно и то же место, например каждое является первым членом трёхчастного деления или каждой ступенью, на которой порядок терпит неудачу. Это родство формы, а не содержания, и оно говорит нечто лишь там, где само положение говорит нечто, то есть в порядках, показывающих своё основание. В алфавите ничего не говорит то, что два слова стоят на одном и том же месте своей страницы.

Делом два места связаны тремя способами. Это может быть одно и то же дело, которое встречается в двух местах, потому что порядок проходит через него в двух перспективах: письмо под «Налоги» и под «Мать». Это может быть одно и то же дело в различном развитии, так что одно место предвосхищает то, что разворачивает другое, или позднейшее подхватывает то, что начало более раннее. И может быть, что два места определяют одно и то же дело различно, что они противоречат друг другу. Эта последняя ссылка — самая редкая и самая поучительная, ибо на ней показывается, где порядок ещё не согласен с собой.

Больше способов здесь не увидеть. Места связаны через форму или через содержание; если через содержание, то оно либо то же самое, либо то же самое в другом развитии, либо противоречащее. Полно ли это деление, должно показаться на ссылках, которые не подходят ни в один из четырёх.

Ссылки улучшают доступ (гл. 2.3): они сокращают путь от одного места к другому. Но они и стоят, ибо их надо заводить и поддерживать, а ссылка на место, которого больше нет, хуже, чем никакой.

Можно построить порядок и целиком из ссылок: страницы, связанные только перекрёстными ссылками, без оглавления и без ряда. Кто знает, что ищет, быстро на месте. Кто не знает, следует одной ссылке за другой и в

конце не знает ни что он видел, ни что ещё есть. Ссылки дают доступ; обзор даёт ряд или дерево, от которого они ответвляются.

13.4 Упорядочивание в исследовании и при письме

В биологии систематика спрашивает, какие есть виды; анатомия — из чего состоит живое существо; физиология и экология — с чем связаны его части и оно само; биология развития и учение об эволюции — как оно стало. А теория эволюции даёт там, где она несёт, основание, почему есть именно эти виды с именно этими частями. Она — то место, где биология со-объясняет своё деление, и её граница лежит там, где гл. 12.3 её нашла, у случайности истории. Пять вопросов, следовательно, членят не только предметы, но и целые науки.

Кто исследует, может на этом проверить, какой вопрос он сейчас задаёт. Иной спор в науках — спор между двумя вопросами, как его описала гл. 3.2. Систематик, спрашивающий, куда относится вид, и эколог, спрашивающая, что он делает в своей жизненной среде, могут иметь о том же виде разное мнение, и ни один из них не ошибается.

Кто пишет, стоит перед тем же выбором и должен принять его в одном ряду. Учебник может быть построен по видам, по частям, по связям, по истории или из одной основной мысли, и часто ему нужно несколько — друг за другом или друг в друге (гл. 11.6). Хорошей является та структура, чью последовательность можно обосновать: которая на каждом месте даёт читателю то, что ему нужно для следующего, и в конце может сказать, почему она была построена так. Эта книга пытается делать это в своих обратных взглядах.

13.5 Обратный взгляд на третью часть

Почему это именно эти пять способов упорядочения и почему в этой последовательности?

Каждый примыкал к тому, на чём предыдущий терпел неудачу. Виды стоят рядом и не говорят, как устроена отдельная вещь; части говорят это, но они части лишь вместе со своим внешним; связи показывают это внешнее,

но в одно мгновение; ход показывает время, а где виды и стадии совпадают, он показывает нечто, что развивается из основания, не называя само это основание; саморазвёртывание называет его. Последовательность начинается там, где первая часть остановилась, у сортировки, теперь по признакам, которые следуют из дела. Она заканчивается у порядка, который указывает, почему его члены именно таковы.

Возражение: Можно было бы с тем же правом начать со связей. Всё есть то, что оно есть, лишь в отношении к другому; виды и части — узлы в сети; сеть — первое.

Ответ: У сети есть узлы, и узлы должны быть чем-то, чтобы между ними что-то натянулось. Кто ставит связи в начало, должен уже иметь члены, которые он связывает, и притом как виды или как части. Верно, что члены понимаются полностью лишь в своих связях. Это показывает сама последовательность: части терпели неудачу как раз на том, что они — то, что они есть, лишь со своим внешним. Но то, что нечто понимается полностью лишь в своих связях, не значит, что до них оно было бы ничем.

Второе возражение: Есть дальнейшие способы упорядочения. Можно упорядочивать по месту, как карта, или по рангу, как таблица величин, цен или ценностей.

Ответ: Карта упорядочивает части пространства и их соседства; она — порядок по частям и связям, чьим признаком является место. Ранговый порядок — деление по признаку, имеющему степени, и принадлежит к видам, точнее к тому, что гл. 8.3 сказала о степенях вместо вещей. Сводится ли всякий порядок к пяти, этим не доказано. Пять — те, которые получились в этом ходе и которые до сих пор оправдывали себя. Кто найдёт шестой, не сводимый ни к одному из них, имеет наблюдение, меняющее эту структуру.

часть iv: чего стоит порядок

глава 14: сгущать и терять

14.1 Три ступени сгущения

Гл. 2.4 назвала упорядочивание сгущением и оставила открытым, что при этом теряется. Тем временем можно различить три ступени сгущения; книга прошла через все три.

Первая сгущает наблюдения в образцы. Вместо четырнадцати времён прихода соседа запоминают одно правило (гл. 5.1). Вторая сгущает образцы в принципы и основания. Вместо колебаний душа, отопления и рынка понимают один контур регулирования с задержкой (гл. 6.1). Третья сгущает целую область в структуру, в которой каждый член имеет своё место, а в самом благоприятном случае — в такую, которая говорит, почему это именно эти члены (гл. 12).

На каждой ступени выигрывают нечто, чего не имела предыдущая. Образец говорит, что возвращается; принцип говорит, что повторяется и почему, а потому и то, где это прекращается; структура говорит, как построено целое. И на каждой ступени можно ошибиться одним и тем же способом: сгущая слишком грубо и теряя то, на что направлено, или слишком тонко и не выигрывая ничего. Предрассудок↑ из гл. 2.4 — ошибка первой ступени, максимизация полезности, объясняющая всё, — второй (гл. 6.3), разрастающаяся структура — третьей (гл. 13.2).

14.2 Почему сгущение удаётся

То, что мир, полный деталей, можно сгустить так, что немногие правила стоят за многие случаи, не самоочевидно. Один ответ напрашивается: мир, мол, упорядочен, и сгущающее мышление отвечает на его порядок.

Этот ответ сильнее, чем должен был бы быть, и в этой силе его нельзя проверить. Кто его утверждает, должен был бы знать мир без всякого сгущения, чтобы сказать, что его сгущения ему подходят. Этого не может никто; даже взгляд, которым он смотрел бы на мир, уже сгущает.

То, что можно проверить, скромнее и достаточно. Хорошее сгущение оправдывает себя: оно позволяет предсказывать, планировать и действовать, в том числе в случаях, для которых не было образовано, и то, чего оно заставляет ожидать, наступает. Плохое терпит неудачу: оно заставляет ожидать ложное, и планы, которые на нём покоятся, не удаются. Чтобы это заметить, не нужно знать мир без сгущения; это замечаешь по тому, что не сходится, как у платяного шкафа, который через две недели перекладывают (гл. 3.1). Упорядочен ли мир в целом, это не решает. Достаточно, что одни сгущения оправдывают себя, а другие нет, и что разницу можно заметить.

14.3 Остаток

Каждое сгущение что-то опускает, и кое-что из этого нельзя вернуть никаким лучшим сгущением.

Тот, кто давно знает друга, знает, как тот будет реагировать. Он изучил его образцы, знает основания его настроений, мог бы описать его незнакомцу в нескольких предложениях. И затем друг делает нечто, что не подходит ни под одно из этих описаний, не потому что они были ложными, а потому что он есть больше, чем то, что можно сгустить о нём. Человек — не просто случай своих образцов. Кто так с ним обращается, тот это почувствует, и часто по заслугам.

Эксперимент 6: Чтение и наблюдение за чтением

Попробуйте, читая это предложение, наблюдать само чтение: движение глаз, возникновение смысла, ожидание того, как продолжится предложение.
Вероятно, чтение застопорится. Можно читать или можно наблюдать чтение; то и другое одновременно получается плохо. Наблюдать можно черты чтения: движения, паузы, возвращения. Само чтение, осуществление, в котором понимается предложение, не находится среди них.

Порядок↑ может описать осуществление, но он не осуществляет его. Он может сказать, как функционирует чтение, но сам он не читает. И он может указать условия, при которых возникает нечто новое, но само новое — это как раз то, что нельзя было предсказать из условий (гл. 6.3). В этих местах —

в единичном, в осуществлении, в новом — остаётся остаток, которого не догоняет никакой порядок.

Возражение: Тогда упорядочивание — это самообман. Тот, кто знает, что его порядок упускает самое важное, должен перестать делать вид, будто он что-то понимает.

Ответ: Возражение требует от порядка того, чего тот никогда не обещал. Карта, которая захотела бы заменить местность, должна была бы быть такой же большой, как местность; порядок, который ничего не опускал бы, не был бы порядком. Тот, кто перестаёт упорядочивать, получает не больше от единичного, а меньше: у него больше нет ожидания, на фоне которого единичное↑ могло бы показаться как единичное. То, что друг делает нечто удивительное, замечает лишь тот, у кого было ожидание. То, что не подчиняется ожиданию, — это то же сопротивление, из-за которого в гл. 3.1 перекладывали платяной шкаф.

Второе возражение, с противоположной стороны: Остаток↑ — это лишь остаток ещё не понятого. При достаточном количестве данных и достаточном терпении можно предсказать и друга, а то, что сегодня удивляет, завтра будет объяснено.

Ответ: Кое-что из того, что сегодня удивляет, завтра будет объяснено; таков ход всякого учения. Но тот, кто каждое удивление заранее объявляет просто ещё не объяснённым, защитил свой порядок от любого опровержения. Тогда он не может больше ни на чём потерпеть неудачу, и тем самым он перестал что-либо говорить, подобно принципу, который объясняет всё (гл. 6.3). Между обоими возражениями лежит путь, которым эта книга шла с самого начала: упорядочивать и замечать, где порядок не сходится.

Из этого следует то же условие, которое гл. 4.3 обнаружила в регистратуре. Порядок должен сохранять остаток видимым. Он не должен охватывать всё, но он не должен делать вид, будто охватил.

Дальнейшее чтение: *Истина* (2025), Гл. 11

глава 15: мёртвый порядок

15.1 Бланк 47B

Кто-то хочет подать заявление на парковочное разрешение для своей улицы. Он заполняет бланк и узнаёт у окна, что это версия прошлого года; данные перенести нельзя, надо заполнить всё заново. Для копии своего удостоверения ему нужна заверка, а её делают в другом окне, которое сегодня закрыто. Каждый отдельный шаг имеет основание. Целое препятствует тому, ради чего было создано.

Такой порядок возник не из злобы и чаще всего не из глупости. У него есть понятные основания. Где много людей работают вместе, не всё можно уладить разговором, и потому пишут правила (нем. Regeln): сначала для частых случаев, потом для более редких, потом для исключений из исключений. Где решают по усмотрению, часто решает симпатия, и потому устанавливают критерии, которые каждый может проверить; измеряется затем то, что можно измерить, а что трудно измерить, выпадает. А где действует предписание, никому не нужно решать: «Так стоит в предписании» (DE: „Das steht so in der Vorschrift“) снимает нагрузку с того, кто это говорит. У каждого из этих побуждений есть своё право. Вместе они порождают порядок, который забыл свою цель (нем. Zweck).

15.2 Как распознать мёртвый порядок

Порядок↑ здесь должен называться *механическим*, если его части действуют без отношения друг к другу и без вопроса о том, зачем, — как машина, которая продолжает работать, даже когда в неё больше ничего не закладывают. Его противоположность должна называться *живым*. Это слово нужно здесь оправдать, потому что оно звучит как настроение. Имеется в виду проверяемое свойство. В живом порядке части определяют друг друга и являются тем, что они есть, только в целом, как руль управляет только на велосипеде (гл. 9.1); а целое сохраняет себя, изменяясь в том, на чём оно

терпит неудачу. В порядке, который держится на людях, можно наблюдать и то и другое. То, что в нём существует только в целом, — это роли, а не люди, которые их исполняют; сотрудник из гл. 9.5 принадлежит также своей семье и своему объединению.

Механический порядок распознаётся по знакам, которые вытекают из всего предыдущего. То, что не подходит к его ячейкам, подгоняется или пропускается; ячейка «Прочее» отсутствует или переполнена (гл. 4.2). Процедура важнее цели: «Мы не смогли вам помочь, но всё было обработано правильно» (DE: „Wir konnten Ihnen nicht helfen, aber es wurde alles korrekt bearbeitet.“). Трудные случаи считаются помехой, а не указанием на пробел. И порядок не учится на своих ошибках, потому что не смеет их признавать; тот, кто указывает на пробел, считается тем, кто нападает на систему.

Живой порядок показывает противоположное. В нём есть место для того, что не подходит, и он проверяет, не накапливается ли оно. Кто в нём работает, может сказать, для чего существует правило, и потому также, когда оно не срабатывает. Трудные случаи собираются, потому что они показывают, где порядок слишком груб. И он меняется — не при каждом возражении, но в тех местах, где он снова и снова терпит неудачу.

Мерой при этом служит не то, сколько в порядке правил. Есть области, в которых точные и строгие предписания образуют живой порядок: обслуживание самолётов, производство лекарств, правила экзамена, процедуры суда. Там строгость защищает от несчастья или произвола, и тот, кто в них работает, знает, для чего они существуют. Мёртвым порядок становится не из-за своих правил, а из-за того, что никто больше не знает, для чего они действуют.

Точно так же не всё механическое в ней является недостатком. И живой порядок содержит части, которые идут своим ходом, без того чтобы кто-то каждый раз спрашивал, зачем они нужны, — подобно тому как тело содержит кости и обмен веществ: система хранения документов, расчёты, замещение на время отпуска. Они разгружают тех, кто в ней работает, для того, что требует суждения. Механическим в смысле этой главы порядок становится лишь тогда, когда такие части отрываются от целого и продолжают действовать там, где они больше не служат никакой цели, которую кто-либо мог бы назвать.

15.3 Когерентный обман

Различие предыдущего раздела имеет опасную брешь. Существуют порядки (нем. Ordnung), которые обнаруживают почти все знаки (нем. Zeichen) живого и тем не менее сбивают с пути. Они подвижны, входят в трудные случаи (нем. Fall), выглядят готовыми учиться, многое объясняют — и они ложны.

Кто-то убеждён, что пришельцы из космоса основали древние цивилизации. Он собирает материал, и его становится всё больше: постройки, камни которых кажутся слишком тяжёлыми для средств их времени, скальные изображения фигур (нем. Gestalt) с круглыми головами, предания о богах, сошедших с неба. Кажется, что каждый фрагмент подтверждает тезис, и большинство из них действительно существует. Ему не хватает не материала. Не хватает вопроса о том, что показывает материал, если не упорядочивать (нем. ordnen) его уже в свете тезиса: как можно передвигать тяжёлые камни без машин, что ещё может изображать круглая голова на скальном рисунке, например маску или головной убор. Тезис упорядочивает свой материал, вместо того чтобы проникать в него. Каждый подходящий фрагмент считается подтверждением, каждый неподходящий обходится. В гл. 5.2 было описано, чем был бы сделанный узор (нем. Muster): такой, который можно было бы услышать в любом шуме. Здесь происходит именно это. А поскольку почти под каждый тезис можно найти много материала, количество свидетельств не годится как мерило (нем. Maßstab).

Некоторые фрагменты, правда, остаются необъяснёнными и без этого тезиса. Огромные линейные фигуры в пустыне Наска можно целиком обозреть сверху лучше всего. Было воспроизведено, как такие фигуры можно перенести на землю в правильном масштабе по небольшому образцу при помощи кольев и верёвок. Тем самым показано, что это было возможно средствами того времени, и это более простое объяснение, чем пришельцы из космоса. Что всё произошло именно так, этим не доказано. Всё, что мы знаем о прошлом, реконструировано: лучшее объяснение, которое у нас есть, не более. Для чего служили фигуры, и так остаётся открытым; существует несколько обоснованных предположений, но никакого решения. Именно тогда правильно сохранять феномен, даже если его пока нельзя объяснить и связать с остальным. Он остаётся открытым вопросом, над которым можно продолжать работать. Плохое объяснение закрывает его слишком рано: оно даёт уверенность, которая не обоснована, и лишает вопрос повода быть поставленным дальше. Открыто сохраняемая загадка честнее ложного ответа (нем. Antwort).

Такой порядок выдаёт себя, кроме того, своим сгущением (нем. Verdichtung). Хорошее объяснение сгущает: один принцип (нем. Prinzip) объясняет многие случаи и подтверждается (нем. bewähren) тем, что предсказывает, что произойдёт (гл. 6.2). Когерентный обман↑ сгущает плохо и выдаёт себя за хорошее сгущение. Для каждого нового факта ему нужно новое дополнительное допущение (нем. Zusatzannahme). Если один фрагмент объясняют иначе, на его место становится следующий, или же само другое объяснение становится частью тезиса. Его груз допущений растёт, его предсказательная сила остаётся пустой. Задним числом всегда всё подходит, заранее из него не следует ничего, на чём оно могло бы потерпеть неудачу. Это разрастающийся порядок (нем. wuchernde Ordnung), который выдаёт своё разрастание за глубину.

Известнее всего эта форма в рассказе о тайной группе, которая всем управляет. Она без труда объясняет происходящее и вбирает каждое возражение, вместо того чтобы разбиваться о него. Кто ей противоречит, принадлежит к посвящённым или обманут, а каждое отсутствующее доказательство лишь показывает, как хорошо заметены следы. Ошибка при этом лежит в форме объяснения, а не в его предмете (нем. Gegenstand). Сговоры бывают. Люди одного занятия договариваются о ценах, сети распределяют должности, ведомства проводят программы, о которых общественность не должна узнать. Многое, что долго считалось химерой, подтверждено расследованиями и опубликованными документами. Утверждение о скрытых действиях поэтому ещё не есть когерентный обман. Его можно проверить, как любое другое: кто, что, когда должен был сделать, какие следы это должно было оставить, что опровергло бы утверждение? Такое утверждение может потерпеть неудачу и может подтвердиться.

Даже там, где недоверие оправдано, решает форма объяснения, которая за ним следует. Вопрос «Кому выгодно?» устанавливает фактическую связь (нем. faktischer Zusammenhang): кто-то получил от события выгоду. Заключать отсюда, что он его вызвал или спланировал, значит читать фактическую связь как функциональную (гл. 10.2), для чего нужно отдельное доказательство. Часто лучше сгущает другое объяснение. Кто объясняет из обстоятельств (нем. Umstand), в которых действуют люди, объясняет сразу многие случаи: в том числе такие, где никто ничего не планировал, и такие, где разные люди в разных местах делают одно и то же, не зная друг друга. Кто объясняет от плана к случаю, нуждается для каждого нового случая в новом плане. Это не оспаривает, что планы существуют. Это говорит лишь, что там, где обстоятельства уже объясняют, план есть дополнительное допущение. Недоверие, ищущее преступников там, где оно могло бы найти

обстоятельства, часто оправдано, но направлено не туда. Оно считает дело сделанным, когда названы виновные, а обстоятельства, порождающие новых, остаются не затронуты.

По той же причине слово «теория заговора» не годится как проверка. Оно классифицирует утверждение по тому, о чём оно говорит и противоречит ли оно официальной картине, то есть по его обстоятельствам, а не по его строению. Это ошибка, которую гл. 8.1 показала на ките. Под ярлык тогда одинаково попадают замкнутое повествование о всемирном заговоре и подкреплённое документами расследование скрытой программы. Часто он раздаётся к тому же неравно: то, что вскрывают о враждебных державах, называется просвещением, а тот же приём, применённый к собственной стороне, называется теорией заговора. Ярлык может даже принять форму, против которой направлен. Если каждое возражение против официальной картины уже потому считается знаком конспирологического мышления, что оно возражение, то эта картина не может потерпеть неудачу ни на чём. Родственно этому умозаключение от отправителя к делу. Кто отвергает утверждение потому, что его высказывают и ненадёжные люди, тот его не проверил. И наоборот, никакое утверждение не становится правдоподобным от того, что выдаёт себя за подавленную истину. В обоих направлениях помогает только проверять, а не наклеивать ярлыки.

Для веса свидетельств есть при этом правило. Чем дальше утверждение отклоняется от хорошо проверенного знания, тем больше оно должно предъявить. Это не суждение об утверждении, а распределение бремени. Хорошо проверенное знание тоже есть разделяемый порядок↑ (нем. geteilte Ordnung), который может заблуждаться (гл. 15.4). Правило требует лишь, чтобы оно приводилось в движение свидетельствами, а не согласованностью (нем. Stimmigkeit).

Поэтому пробой (нем. Probe) служит не внутренняя согласованность, ибо её у когерентного обмана в избытке. Она спрашивает о трёх вещах. Проникает ли объяснение в свой материал или сортирует его согласно толкованию, которое было установлено заранее? Подтверждается ли его сгущение в предсказании и применении, то есть объясняет ли оно целые классы случаев из одного основания, вместо того чтобы нуждаться для каждого случая в новом допущении? И что должно было бы произойти, чтобы от него отказались? Порядок↑, у которого нет ответа на последний вопрос, не живой, а бессмертный, а бессмертие для объяснений — не знак качества. Эти же три вопроса обращены и к официальной картине, и к её противникам.

Здесь видно и то, почему одной внутренней согласованности недостаточно. Она необходима, ибо противоречивое объяснение не есть объяснение. Но её недостаточно: даже самое замкнутое здание бреда внутренне согласовано. Жив ли порядок, следует измерять по тому, что может ему сопротивляться, а не по нему самому.

15.4 Разделяемый порядок

До сих пор это звучало так, будто каждый упорядочивает сам по себе. Но почти каждый порядок, с которым работаешь, унаследован или разделяем. Начинается это с языка. Каждое слово — уже готовое сгущение; тот, кто учит слово «договор», перенимает порядок, над которым работали поколения, не повторяя эту работу. Собственное мышление начинается не с отдельных частностей, а посреди запаса порядков, созданных другими.

Науки сделали из этого метод. Никто не проверяет всё сам; труд разделён, и на место отдельного проверяющего становится строй проверок: коллеги, которые пересчитывают, эксперименты, которые повторяются, понятия, которые десятилетиями вынашиваются, уточняются и время от времени отбрасываются. Формула, теория, хорошо определённое специальное понятие — это совместно проверенные сгущения. В малом действует то же самое: слаженная рабочая группа имеет понятия, которые для посторонних пусты, а для участников несут целый опыт.

У этого есть оборотная сторона. И ложные сгущения могут удерживаться сообща. Моды, школы и лагери поддерживают жизнь в порядках, которые на деле давно потерпели неудачу; сообщество тогда больше не проверяет, а подтверждает. Поэтому разделяемый порядок↑ нуждается в тех же проверках, что и собственный, и ещё в одной: кто здесь сгущал за меня и по какому признаку я заметил бы, что он сгущал плохо? В таком сообществе в первую очередь теряется не правильность порядка, а возможность заметить его ошибку.

Дальнейшее чтение: *Истина* (2025), Гл. 12, 17, 18 и 19, *Организация* (2026), Гл. 13

глава 16: собственный порядок

16.1 Мышление, упорядочивающее само себя

Эксперимент 7: Чем вы это замечаете

Остановитесь на мгновение и заметьте, что происходит при чтении этой книги и чем вы это замечаете.
Наталкиваешься на удвоение. Размышляешь об упорядочивании и при этом упорядочиваешь; проверяешь порядки мерилами, которые сами есть порядок. И даже замечание этого удвоения есть снова упорядочивание.

Возражение: В этом заключён круг, и не безобидный. Эта книга развивает мерила для порядков и применяет их к самой себе. Это как если бы измерительная лента измеряла сама себя. Откуда мерилам взять своё право, если они подтверждают лишь сами себя?

Ответ: Измерительная лента не может проверить себя на самой себе, но может на второй ленте, на предмете известной длины, на другом способе определения той же длины. Мерила этой книги находятся в том же положении. Они проверяются не на самих себе, а на том, что может им сопротивляться: на примерах, на которых они могли бы потерпеть неудачу, на возражениях, которые стоят против них, на опыте читателя, знающего свои собственные порядки. То, что мерило применяется к самому себе, не делает его круговым. Круговым оно было бы, если бы не могло потерпеть неудачу при применении к самому себе. Книга может потерпеть неудачу на своих собственных мерилах, и гл. 16.5 проверяет где.

Второе возражение: Как мышление может познать свои собственные границы? Если граница лежит внутри его досягаемости, то это не граница; если вне, то оно не может её увидеть.

Ответ: Границы, о которых здесь шла речь, были увидены не снаружи, а замечены изнутри, по тому, что не сходилось: по написанию, которого

недоставало под словом «мать», по другу, который делал то, чего не позволяло ожидать никакое описание. Заметить границу не значит знать, что лежит по ту сторону от неё. Это значит знать, что порядок здесь дальше не простирается. Это может всякое мышление, у которого есть ожидания.

От этого следует отличать один случай. Если некоторая совокупность должна содержать саму себя как один из своих членов, например каталог всех каталогов, которые не каталогизируют сами себя, то возникают противоречия, не имеющие ничего общего с упорядочиванием в смысле этой книги. Они суть дело логики и математики, и эта книга их не решает. Она утверждает лишь, что применение мерила к самому себе не относится к этому роду.

16.2 Откуда берутся собственные порядки

Кто проверяет свои собственные порядки, наталкивается на мерила, которых никогда не выбирал, и на самоочевидности, происхождение которых ему неизвестно. И собственное мышление есть предмет, который можно схватить только как протекание (нем. Verlauf) (гл. 11.2).

Эксперимент 8: Происхождение одного убеждения

Возьмите одно из ваших твёрдых убеждений: о работе, о воспитании, о политике. Спросите себя, как вы к нему пришли, и запишите первый ответ. Затем спросите: было ли это началом?
Первый ответ обычно даёт сегодняшние основания, а не первоначальные. Это аргументы, которые приводят, когда убеждение нужно защищать; часто они моложе, чем оно само. Если копать дальше, наталкиваешься на опыт, который его сформировал: на учителя, который выслушал, на начальника, который этого не сделал. А под ними — на самоочевидности, усвоенные раньше, чем ты научился думать: что считалось нормальным в семье, что в то время и в том месте, где ты вырос, никто не ставил под сомнение.

Эти слои не истиннее и не ложнее сегодняшних оснований. То, что убеждение происходит из раннего опыта, ничего не говорит о его правильности; оно тем не менее может быть верным. Но кто знает происхождение, может

различить две вещи: основание, из которого он во что-то верит, и основание, по которому это было бы правильным. Обе часто совпадают, а иногда нет.

Три вопроса помогают в этом; они следуют из сказанного в гл. 11.3 о протеканиях. Какую позицию я занимал раньше и по каким основаниям, которые тогда были разумными? Что привело меня к перемене мысли — аргументы, опыт или люди? И что осталось неизменным сквозь все перемены? Последний вопрос показывает, как ты думаешь, независимо от того, что ты сейчас думаешь. А из всех трёх следует четвёртый, указывающий вперёд: какие из моих сегодняшних убеждений, вероятно, ещё изменятся? Кто уже не раз менял мнение, сделает это снова, только не знает где.

Кто так спрашивает о происхождении собственных порядков, лучше понимает и порядки других. Их убеждения возникли столь же понятными путями. О правильности это говорит так же мало, как и о своих, но делает возможным разговор, в котором правильность только и можно проверить.

16.3 Гордость упорядочивающего

Последнее преувеличение, которое должна назвать эта книга, касается не отдельного способа упорядочивания (нем. Ordnungsweise), а упорядочивания вообще. Кто научился точно различать, аккуратно делить на виды (нем. einteilen), требовать оснований, может стать надменным. Он слушает других, чтобы найти их ошибки: «Ты смешиваешь два уровня (нем. Ebene)», «это лишь корреляция» (DE: „das ist nur eine Korrelation“), «ты не назвал основание». Часто он прав, и всё же разговор окончен.

У этого есть основание, которое лежит в самом деле (нем. Sache). Кто потратил много усилий на способность, хочет видеть её подтверждённой, и собственный метод легко становится мерой хорошего мышления вообще. Но точное упорядочивание — орудие, а не единственное. Есть области, где деление мешает: разговор между друзьями, музыка, которую слушаешь, боль, которую разделяешь. Кто там упорядочивает, понимает меньше, а не больше.

Можно преувеличить и это и при каждой мысли спрашивать, не делишь ли ты как раз навязчиво на виды и не членишь ли надменно. Тогда из предостережения стало новое принуждение. Преувеличения, названные этой книгой: в делении (гл. 8.4), в членении (гл. 9.3), в связывании в сеть (гл. 10.5) и здесь, — не суть список, который нужно было бы отработать. Это места, в

которых способность забыла свой вопрос, а вопрос, который против этого помогает, каждый раз один и тот же: для чего я здесь упорядочиваю?

16.4 Путь

Вопрос «Для чего я здесь упорядочиваю?» (DE: „Wozu ordne ich hier?“) стоял в начале книги в ином виде: на что это важно? На него был дан ответ уже при чтении, до того как он был поставлен (гл. 2.1), а гл. 2.5 привязала к нему второй, оставшийся открытым: окажется ли в конце мерило, принадлежащее самому делу, и в каком смысле. На этот второй нельзя было ответить заранее, его можно было ответить только путём, который книга между тем прошла.

Что каждый шаг показывал, чего недоставало предыдущему, об этом подробно сказали ретроспективы в конце частей (гл. 5.6, 7.7, 13.5). При этом от первой главы до последней делалось одно и то же: это прикладывалось к тому (гл. 2.2), каждый раз всё дальше вглубь дела, и ни один шаг не устранил предыдущий. Аспект↑ (нем. Hinsicht) заключён в узоре, принцип в основании, виды и части в саморазвёртывании (нем. Selbstentfaltung). Каждая ступень (нем. Stufe) снята в следующей, в том тройном смысле, который объяснила гл. 12.6.

Мерило↑ вне этого пути книга нигде не использовала. Дело давало о себе знать там, где порядок не сходился: у платяного шкафа, который через две недели переставили, у лица в облаке, которое не выдержало следующей минуты, у орбиты Меркурия. И оно показывало себя там, где порядок мог сказать, почему его члены таковы, как у чисел. Образ дела, с которым можно было бы сравнивать порядок, для этого не требовался (гл. 3.1, 14.2). Мерило, принадлежащее самому делу, есть движение, в котором порядок терпит на нём неудачу и благодаря этому становится точнее (гл. 13.2), пока не сможет указать собственное основание. Мыслить систематически, как это определила гл. 12.2, значит поэтому и не обрывать это движение.

16.5 Эта книга как проверка

В гл. 1.3 книга обещала дать измерить себя собственными мерилами. Вот проверка.

Почему в ней именно эти четыре части? Первая спрашивала, что взаимопринадлежит: аспект, ряд и ячейка (нем. Reihe und Fach), узор. Вторая — почему это взаимопринадлежит: принцип и основание. Третья — как построено целое: пять способов упорядочивания. Четвёртая — чего стоит каждый порядок. Первые три следуют вопросу, насколько далеко порядок знает о собственном основании: вовсе не знает, как основание отдельных случаев, как основание целого. Четвёртая обращается назад на все три; поэтому она должна стоять в конце. Согласно третьей ступени из гл. 13.2 это членение объясняет в своих крупных чертах и свой принцип. Делает ли оно это и в деталях, нужно ли, скажем, аспекту собственная глава или он относится к главе о ряде и ячейке, относится ли узор ещё к первой части или уже ко второй — об этом можно спорить, и ретроспективы в конце частей дают основания, а не доказательства.

Выдерживает ли книга вторую ступень, сохраняет ли она то, на что это важно? Этого она сама решить не может. Она может лишь дать проверки с собой. Достаточно ли она полна или не хватает чего-то, что вы знаете по собственному упорядочиванию? Достаточно ли она проста или настолько проста, что теряются исключения? Можно ли её утверждения проверить на собственном опыте? И можно ли её расширять и исправлять, не разрушая?

Что должно было бы произойти, чтобы книга отказалась от своих утверждений? Вопрос из гл. 15.3 действует и здесь. На него можно ответить. Если бы эксперименты у многих читателей проходили иначе, чем описано, то есть если бы люди без труда видели буквы как штрихи или не могли бы свести разговор к одному предложению, то отпало бы одно основание. Если бы нашёлся способ упорядочивания, который нельзя свести ни к одному из пяти (гл. 13.5), то членение третьей части пришлось бы изменить. Если бы оказалось, что подтверждается порядок, не удерживающий видимым свой остаток (нем. Rest), то условие из гл. 4.3 и 14.3 было бы ложным. В этих местах книга может потерпеть неудачу.

16.6 Что остаётся открытым

Где ответа недостаточно, книга говорит это прямо на месте. Взятые вместе, остаются явно открытыми четыре вопроса. Два из них спрашивают, является ли полным деление, которое возникло лишь по ходу дела. Пять способов упорядочения до сих пор оправдывали себя, но то, что шестого не существует, не показано (гл. 13.5). Роды отсылок в гл. 13.3 получены из вопроса,

связаны ли два места по форме или по содержанию; охватывают ли они всякую отсылку, должно проявиться на отсылках, которые не подходят ни к одному из четырёх. Третий вопрос касается меры, развитой лишь наполовину. В гл. 2.3 для доступа указаны шаги и необходимое предварительное знание, для обзора — число членов, но не то, как одно следует соизмерять с другим, когда порядок улучшает одно и ухудшает другое. Четвёртый касается границы, которую можно провести только на отдельном случае: где саморазвёртывание выдерживает, а где дальнейшее разветвление предмета есть уже только история и случай, можно показать в отдельном случае (гл. 12.3), но нельзя указать в общем виде.

Многие мысли этой книги уже были продуманы в другом месте, некоторые в более сильной форме, чем они представлены здесь. Приложение B указывает, где именно, и представляет возражения, которые здесь встречались лишь в своём ядре, в их собственном облике.

Дальнейшее чтение: *Истина* (2025)

приложение A: упражнения

Упражнения предполагают главы, на которые они ссылаются. У них нет решения, которое можно было бы посмотреть; удались ли они, показывает дело, на котором их выполняют.

A1: Упорядочить одно решение

Возьмите решение, которое вам предстоит, например, принимать ли новую должность. Обычный порядок — это список оснований за и против. Это ряд (гл. 4), и у него есть его недостаток: он не говорит, какие основания взаимосвязаны и какие весят больше.

Вместо этого задайте вопросы из гл. 13.1, и только те, которых вам недостаёт. Что это за решение: о профессии, о семье, о том, что для вас важно, или о риске? Каждый из этих видов (нем. Art) приносит другие мерила. Из чего состоит решение: какие у него части и какая создаёт трудность? С чем оно связано и какие связи только наблюдаются, а какие суть действия? И как возникло положение, из которого исходит вопрос?

Обратите внимание, в каком месте решение стало яснее. Обычно это один-единственный вопрос, а остальные лишь подтвердили то, что он показал.

A2: Упорядочить спор

Двое спорят о работе на дому. Один говорит, что она гораздо эффективнее; другая — что страдает сплочённость отдела. Один называет это манией контроля, другая называет его слепым к тому, что происходит между людьми.

Проверьте сначала, спорят ли оба об одном и том же вопросе (гл. 3.2). Часто спорят двое, каждый из которых считает единственным другой вопрос:

один спрашивает о работе отдельного человека, другая — о работе группы. Проверьте затем, какого вида связи утверждает каждый (гл. 10.2). «Кто работает дома, делает больше» (DE: „Wer zu Hause arbeitet, schafft mehr“) может быть наблюдаемой связью или действием, а для действия нужно больше свидетельств, чем для наблюдения. И спросите, при каких условиях каждое из двух утверждений верно (гл. 7.2): при каком виде работы, при какой величине группы, при каких жилищных условиях.

В конце редко стоит победитель. Обычно стоит различие, которое признают оба, каждое при своих условиях.

A3: Организовать систему хранения

Организуйте систему хранения (нем. Ablage) для бумаг или файлов. Спросите сначала, по чему вы позже будете искать чаще всего, и поставьте этот аспект наверх (гл. 4.2). Заведите ячейку для того, что не подходит, и посмотрите через несколько месяцев, что в ней накопилось: если там скапливается что-то однородное, значит, недостаёт ячейки. И решите для предметов, которые относятся к нескольким местам, создавать ли ссылку, копию или пометку (гл. 4.3, 10.3). Каждое из этих решений чего-то стоит, и вопрос в том, какие издержки вы готовы нести.

Проверьте систему хранения через год по двум мерам из гл. 2.3. Сколько движений нужно вам, чтобы найти определённый предмет, и что для этого нужно знать? И можете ли вы сказать, что вообще есть в системе хранения, не просматривая её?

A4: Сгущать и возвращать

Сведите текст, который хорошо знаете, — статью, главу, длинное письмо — в одно-единственное предложение. Дайте это предложение кому-нибудь, кто текста не знает, и пусть он скажет, чего теперь ожидает. То, чего он ожидает, и то, что стоит в тексте, расходится в определённых местах, и в этих местах сгущение чем-то пожертвовало (нем. preisgeben) (гл. 2.4). Проверьте, было ли это тем, на что это важно.

Вторая проверка: возьмите принцип, который вы усвоили на одном случае, и примените его к случаю, которого никогда не видели (гл. 6.2). Если

он выдержит, вы усвоили принцип. Если не выдержит, вы усвоили узор, и теперь знаете, где он кончается.

A5: Структурировать доклад

Запишите, что вы хотите сказать, прежде чем составлять структуру (нем. Gliederung) (гл. 9.3). Затем спросите, на какие части написанное распадается само собой и можно ли указать, почему именно на эти (гл. 9.1). Только после этого спросите, что нужно слушателям, чтобы следить, и требует ли это другой последовательности. Если да, это не ошибка первой структуры, а второй аспект, и вам нужно выбрать между ними или поставить ссылку: «об этом чуть позже подробнее».

A6: Проверить главу

Возьмите главу, которую написали вы или которую написала для вас программа. Прочитайте первые три слова каждого абзаца друг под другом: если все они начинаются одинаково, то построение схематично (гл. 9.4). Сосчитайте списки и при каждом спросите, можно ли его пункты разложить в предложения, которые говорят, как одно следует из другого; где это удаётся, список был заменой мысли. Вычеркните каждое предложение, которое объявляет, что глава будет делать, и посмотрите, не пропало ли что-то. И напишите в конце главы одно предложение, которое говорит, почему следует следующая. Если оно даётся с трудом, трудность не в предложении, а в структуре.

приложение в: кто тоже видел это так, и самые сильные возражения

Книга не ссылается ни на кого (гл. 1.2). Это не значит, что она первой додумала свои мысли. Это приложение называет, где можно продолжить чтение, и представляет возражения, которые в книге встречались лишь в своём ядре, в их собственном виде. Там, где ход книги похож на унаследованный, это не доказательство ни для одного, ни для другого. Это говорит в пользу того, что оба трудились над одним и тем же делом.

B1: К отдельным главам

Обзор↑, доступ, сгущение (гл. 2, 14). То, что хорошие объяснения измеряются тем, насколько сильно они сгущают свои данные, не теряя их, разработано в теории информации: в учении об алгоритмической сложности, связанном с именами Андрея Колмогорова и Рэя Соломонова, и в принципе минимальной длины описания Йормы Риссанена.

Узоры, остающиеся открытыми (гл. 5.3). Людвиг Витгенштейн в *Философских исследованиях* (§§ 185 и далее) на ученике, который продолжает ряд «+2» начиная с 1000 иначе, показал, что никакое конечное число случаев не закрепляет правило. Нельсон Гудмен поставил ту же проблему как «новую загадку индукции» (DE: „neue Rätsel der Induktion“). Жак Деррида в *Подпись событие контекст* (1972) развил мысль, что знак есть знак только как повторимый и в каждом повторении немного другой.

Принципы, которые всё объясняют (гл. 6.3, 15.3). То, что теория годится настолько, насколько она исключает, есть ядро требования фальсифицируемости Карла Поппера в *Логике научного исследования* (нем. Logik der

Forschung). Насмешку над объяснением, которое лишь удваивает объясняемое, вывел на сцену Мольер в *Мнимом больном*: опий усыпляет, потому что обладает усыпляющей силой.

Планетные орбиты (гл. 5.1, 6.2, 6.3). Кеплер опубликовал закон (нем. Gesetz) эллиптической орбиты в 1609 году в *Astronomia nova* на основе наблюдений Марса Тихо Браге; Исаак Ньютон вывел его в 1687 году в *Principia* из тяготения. Нептун нашёл Иоганн Готфрид Галле в 1846 году в том месте, которое Урбен Леверье вычислил из возмущений орбиты Урана. Отклонение орбиты Меркурия объяснила только общая теория относительности Альберта Эйнштейна в 1915 году.

Запаздывающая обратная связь (нем. Rückkopplung) (гл. 6.1). Общее учение о контурах регулирования (нем. Regelkreis) основал Норберт Винер под именем кибернетики. Смену избытка и нехватки на свином рынке описал Артур Ханау в 1920-е годы; с тех пор она называется свиным циклом (нем. Schweinezyklus).

Пустое, произвольное↑, достаточное (гл. 7.1). Та же ступенчатость встречается в *Науке логики* Гегеля как формальное, реальное и полное основание (нем. Vollständiger Grund); то, что вещь выступает только тогда, когда собраны все её условия, следует там в учении об условии. Достаточным (нем. zureichend) Гегель называет лишь понятие, то, что определяет вещь из неё самой (*Энциклопедия* § 121, добавление); в этом направлении указывает и гл. 7.6. По тексту Гегеля эта ступенчатость прослежена в *Логика Гегеля – Логика мышления* (2026), Гл. 21.6 и 24.3. То, что причина есть обычно условие среди других, которые лишь вместе достаточны, точнее определил Джон Л. Маки. То, что объяснения всегда мыслят с собой сравнительный случай, почему это, а не то, разработано под именем контрастивного объяснения, в частности Бастианом ван Фраассеном и Питером Липтоном.

Учение о делении (часть III, гл. 8.2). Деление по роду и видообразующему различию восходит к Аристотелю. Неоплатоник Порфирий изложил его в III веке в своём введении к *Категориям*; так называемое древо (нем. Baum) Порфирия, продолжающаяся дихотомия (нем. Zweiteilung), названо по его имени. Кита Карл фон Линней в десятом издании своей *Systema Naturae* 1758 года поместил среди млекопитающих. Знаменитое деление, нарушающее все правила, Хорхе Луис Борхес приписал вымышленной китайской энциклопедии: животные делятся там, среди прочего, на принадлежащих императору, бальзамированных, приручённых и таких, которые издалека выглядят как мухи. Мишель Фуко начал свои *Слова и вещи* (нем. Die Ordnung der Dinge) со смеха над этим местом.

Плутон (гл. 12.4). Новое определение планеты приняла Международная астрономическая ассоциация в августе 2006 года; поводом стало открытие карликовой планеты Эрида, которая тяжелее Плутона.

Граничные случаи и незнание (гл. 8.4, 12.4). То, что понимание понятия начинается там, где замечаешь, что не можешь его определить, есть ход ранних диалогов Платона. В *Лахете* Сократ спрашивает, что такое мужество, и каждое определение его собеседников терпит неудачу на одном граничном случае, среди прочего на вопросе, есть ли бесстрашие без понимания уже мужество или дерзость. В *Апологии* Сократ говорит, что превосходит другого тем, что не считает, будто знает то, чего не знает.

Периодическая система (гл. 13.2). Менделеев опубликовал свою таблицу в 1869 году; галлий был открыт в 1875, скандий в 1879, германий в 1886 году.

Куча (гл. 8.3). Софизм кучи (нем. Trugschluss vom Haufen) приписывают мегарику Евбулиду из Милета.

Древо и сеть (гл. 10.3). Фасетную классификацию (нем. Facettenklassifikation) разработал индийский библиотекарь Ш. Р. Ранганатан в 1930-е годы. Совет при программировании предпочитать составление наследованию сделали правилом Эрих Гамма, Ричард Хелм, Ральф Джонсон и Джон Влиссидес в 1994 году в своей книге об образцах проектирования.

Виды, которые суть стадии (гл. 11.5). Последовательность от изобразительного письма через словесно-слоговое к буквенному Игнас Дж. Гельб представил в 1952 году как закон развития письма. Позднее исследование критиковало её как слишком прямолинейную; в качестве примера того, как виды и стадии могут совпадать, она годится и в огрублённой форме.

Числа (гл. 12.1). То, что числовые области расширяются, чтобы определённые вычисления сходились, и что при этом должны сохраняться старые правила вычисления, сформулировал Джордж Пикок в 1834 году; как принцип перманентности утвердил его Герман Ганкель в 1867 году.

Всеобщее↑, особенное, единичное (гл. 12.2). Три стороны понятия Гегель развил в учении о понятии своей *Науки логики* (в более краткой форме: *Энциклопедия* §§ 163–165; шаг за шагом изложено в *Логика Гегеля – Логика мышления*, Гл. 26). Ход этой книги, от порядков, прикладываемых к делу извне, через порядки, спрашивающие об основаниях, к порядкам, понимающим свои члены из всеобщего, в общих чертах похож на ход его логики от бытия, сущности и понятия. Это не было целью; так получилось.

Механический порядок (нем. mechanische Ordnung) (гл. 15.1, 15.2). То, что правила в управлениях из средства становятся целью, описал Роберт

К. Мертон в 1940 году как сдвиг целей; образ «стального панциря» бюрократии принадлежит Максу Веберу. То, что показатель, сделанный целью, перестаёт быть хорошим показателем, называется по имени экономиста Чарльза Гудхарта законом Гудхарта.

Когерентный обман↑ (гл. 15.3). Тезис о пришельцах из космоса распространил Эрих фон Деникен в 1968 году в *Воспоминаниях о будущем* (нем. Erinnerungen an die Zukunft). О «теории заговора общества» говорил Карл Поппер в *Открытом обществе и его врагах* (1945, т. 2, гл. 15). Он не отрицал, что заговоры существуют, но отрицал, что они объясняют общество, и заметил, что они редко достигают того, что планируют; то, что происходит, суть в основном непреднамеренные следствия намеренных действий. Замкнутую форму, в которой каждый отсутствующий след становится доказательством, описал Ричард Хофштадтер в 1964 году в эссе «The Paranoid Style in American Politics». То, что люди одного занятия редко собираются вместе без того, чтобы разговор не заканчивался заговором против публики, стоит у Адама Смита в *Богатстве народов* (1776, книга I, гл. 11). Скрытые программы, прежде считавшиеся химерами, раскрыл следственный комитет Сената США под руководством Фрэнка Чёрча в 1975 и 1976 годах; документы, обнародованные Эдвардом Сноуденом в 2013 году, доказали массовую слежку, которую почти никто не считал возможной. То, что вес свидетельств должен определяться невероятностью утверждаемого, стоит у Дэвида Юма в разделе о чудесах его *Исследования о человеческом разумении* (1748); Карл Саган выразил это формулой: экстраординарные утверждения требуют экстраординарных доказательств.

Разделяемый порядок (гл. 15.4). То, что познание возникает в сообществах, разделяющих стиль мышления, показал Людвик Флек в 1935 году на примере исследования сифилиса; Томас С. Кун развил эту мысль как учение о парадигмах.

Основание веры и основание значимости (гл. 16.2). То, что возникновение убеждения нужно отличать от его обоснования, Ханс Райхенбах выразил как различие между контекстом открытия и контекстом обоснования. Кто от происхождения убеждения заключает к его ложности, совершает то, что логика называет генетическим ошибочным умозаключением (нем. Fehlschluss).

Измерительная лента, которая проверяет себя (гл. 16.1). Отто Нейрат сравнил положение познания с моряками, которые должны перестраивать свой корабль в открытом море, не имея возможности разобрать его в доке. Противоречия, возникающие, когда совокупность должна содержать саму

себя, Бертран Рассел обнаружил на множестве всех множеств, которые не содержат сами себя.

B2: Пять возражений в их собственном виде

Пять возражений были включены в книгу лишь настолько, насколько они касаются соответствующей главы. Здесь они стоят в том виде, который придали им их авторы.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари: древо и ризома (гл. 4.3, 6.3). В *Ризоме* и в *Тысяче плато* Делёз и Гваттари противопоставляют древу, которое от одного корня ветвится во всё более тонкие ветви, ризому — сплетение без центра, в котором каждая точка может быть соединена с каждой и которое может оборваться в любом месте и начаться заново. Древо для них — образ порядка, сводящего всё к одному началу; ризома — образ множественности, которую нельзя свести к единству. В *Различии и повторении* (1968) Делёз уже требовал мыслить различие не как отклонение от тождественного, а тождественное как предварительное затвердение различий. Это бьёт по делению по роду и видообразующему различию (гл. 8.2) в его корне.

Книга соглашается с тем, что каждый порядок выбирает и что выбранное может казаться природой. Её ответ: выбор обнаруживается в неудаче, и порядок должен удерживать свой остаток видимым (гл. 4.3, 14.3). Делёз и Гваттари сами подчёркивали, что древо и ризома взаимопроникают, что в ризоме есть деревья, а в древе — ризомы. Это близко к ответу в гл. 10.3: нужно и то и другое. Остаётся открытым, не есть ли саморазвёртывание из гл. 12, понимающее целое из всеобщего, как раз та форма древа, которую они критикуют острее всего. Книга отвечает на это гл. 12.3: она несёт там, где несёт, и не дальше.

Жак Деррида: значение, которое не приходит к покою (гл. 5.3). Для Деррида знак есть то, что он есть, только потому, что может быть повторен, и каждое повторение переносит его в новую связь, смещающую его значение. Поэтому не существует значения, которое полностью было бы при себе; каждое понятие отсылает к другим и имеет свой смысл лишь в отличии от них.

Книга соглашается, что узоры остаются открытыми и смещаются в употреблении. Её ответ: смещение можно заметить, на новом случае, который вызывает спор, и там можно проверить, выдерживает ли узор. Деррида никогда не отрицал, что можно понимать и различать; он отрицал, что это

понимание когда-либо завершено. Тем самым он ближе к гл. 5.3, чем кажется сначала. Остаётся открытым, не выбраны ли сами граничные случаи, на которых книга проверяет свои понятия (гл. 12.4), уже из понятия, которое они должны проверять.

Теодор В. Адорно: понятие и нетождественное (гл. 7.4, 14.3). В *Диалектике Просвещения*, написанной вместе с Максом Хоркхаймером, Адорно показал, как разум, который должен был освободить человека от природы, может стать орудием господства над природой и людьми. В *Негативной диалектике* он заострил возражение: каждое понятие подводит единичное↑ под всеобщее и при этом отрезает то, что в нём не всеобще, — нетождественное. Мышление должно пытаться с помощью понятия выйти за пределы понятия.

Книга соглашается, что каждое сгущение оставляет остаток и что остаток может быть самым важным (гл. 14.3). Её ответ: остаток показывает себя лишь на ожидании, которое он обманывает, и что тот, кто перестаёт упорядочивать, получает от единичного не больше, а меньше. Адорно возразил бы здесь: если остаток показывает себя лишь на обманутом ожидании, он всё ещё является в мере понятия, которое должен превзойти. Однако отказаться от понятий он не хотел. Он требовал обращать их против самих себя и не подводить вещь под одно понятие, а расставлять вокруг неё несколько понятий, в констелляции, показывающей, чего ни одно из них в отдельности не схватывает. Это само есть способ упорядочивания, и он лежит недалеко от фасет из гл. 10.3. Остаётся открытым, есть ли условие «удерживать остаток видимым» (DE: „den Rest sichtbar halten“) нечто большее, чем намерение (нем. Vorsatz): исполняет ли его порядок, можно проверить в отдельном случае, но нельзя гарантировать вообще.

Мишель Фуко: порядок знания, порядок власти (гл. 10.4, 12.5). В своих исследованиях о безумии, клинике и тюрьме Фуко показал, как деления знания упорядочивают людей, лечат их и производят: больной, преступник, нормальный не были просто найдены, а возникли одновременно в практиках знания и власти. В *Словах и вещах* (1966) он показал, что каждая эпоха членит своё знание в рамках, которые устанавливают, что вообще может быть упорядочено, и что эти рамки сменяют друг друга в разрывах, а не как прогресс. Это затрагивает вопрос из гл. 13, какой порядок лучше, и вопрос из гл. 16.2, откуда берутся собственные порядки. Иэн Хакинг примыкает к этому и описывает, как категории воздействуют обратно на людей, которых они охватывают, и как это обратное воздействие снова меняет категории.

Книга соглашается, что понятия о людях меняют свой предмет (гл. 12.5) и что прочтение отношения может подтверждать само себя (гл. 10.4). Её ответ:

люди, которых охватывает понятие, могут ему противоречить, и критика порядка сама работает с более точными различениями. Фуко называл свои книги ящиками с инструментами, а не зданиями учения, и их сила лежит именно в таких различениях. Остаётся открытым, всегда ли слышат противоречие затронутых, и ответ гласит: не само собой. Гл. 15.4 показала, что сообщество может перестать проверять. Кто следит, чтобы оно этого не делало, действует, а о действии говорит другая книга.

Ричард Рорти: нет словаря самого дела (гл. 8.2, 13.1). В *Философии и зеркале природы* (1979) Рорти оспорил, что познание состоит в правильном отображении действительности; в *Случайности, иронии и солидарности* (1989) он заключает, что нет такого словаря, который описывал бы вещи, как они существуют сами по себе. Попадает ли деление в цель, после этого есть вопрос не к делу, а вопрос о том, для чего его нужно. Критерий проводить границы там, где сам предмет создаёт различия, был бы остатком представления о зеркале.

Книга соглашается, что каждый порядок служит вопросу (гл. 13.1). Её ответ: дело даёт о себе знать в удаче и в неудаче. То, что галлий, скандий и германий были найдены там, где таблица оставляла пустоты (гл. 13.2), таблица не могла вызвать сама; элементы могли бы и отсутствовать. Что это можно установить лишь в словаре, который уже выбран, книга не оспаривает. Точки зрения вне всех словарей для этого не нужно: то, что не сходится, даёт о себе знать в том словаре, который есть (*Истина* (2025), Гл. 11).

Встречный вопрос, обращённый ко всем пяти. Против всех пяти возражений часто выдвигают, что они сами себя опровергают; в самой известной форме этот упрёк высказал Юрген Хабермас в *Философском дискурсе о модерне* (1985), опираясь на фигуру перформативного самопротиворечия Карла-Отто Апеля: кто пишет с точными понятиями против понятий, с теорией против теории, с упорядоченным изложением против порядка, делает то, что критикует. Это попадает меньше, чем кажется. Все пятеро знали это возражение и ответили на него: Деррида — фигурой употребления понятий с одновременным указанием их границы, Адорно — мышлением против самого себя, Делёз и Гваттари — взаимопроникновением древа и ризомы, Фуко — отказом от здания, Рорти — указанием, что он не утверждает лучшего отображения, а предлагает более пригодный словарь. Верное в встречном вопросе скромнее: никто из пятерых не отказывается от упорядочивания. Они упорядочивают иначе и проверяют точнее. Это и есть намерение этой книги.

B3: Дальнейшее чтение в других книгах

Где глава продолжается в других книгах ряда, это указано здесь. Основной текст в конце глав отсылает к *Истина* (2025), а там, где глава непосредственно продолжается в другой книге, — к *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026) и *Организация* (2026).

- **Гл. 1** (соседняя книга о логике): *Логика Гегеля – Логика мышления* (2026), Гл. 2 (движение мысли в её начале)
- **Гл. 1** (соседняя книга об этике): *Этика – Добро, которое мы уже делаем*
- **Гл. 2.4** (Сгущение↑ и предрассудок, продолжено на образе другого): *Этика – Добро, которое мы уже делаем*, Гл. 3
- **Гл. 6** (Принцип↑): *Логика Гегеля – Логика мышления*, Гл. 7
- **Гл. 7** (Основание): *Логика Гегеля – Логика мышления*, Гл. 6 и 8
- **Гл. 7.4** (Кому служит основание, продолжено на основаниях, которые человек должен другому): *Этика – Добро, которое мы уже делаем*, Гл. 4 и 11
- **Гл. 11** (Ходы процессов): *Логика Гегеля – Логика мышления*, Гл. 5
- **Гл. 11.1** (Как начался спор, продолжено на ряде воздаяния): *Этика – Добро, которое мы уже делаем*, Гл. 6
- **Гл. 12** (Саморазвёртывание↑): *Логика Гегеля – Логика мышления*, Гл. 9
- **Гл. 15** (Мёртвый порядок, продолжено на правилах и учреждениях): *Этика – Добро, которое мы уже делаем*, Гл. 13 и 14
- **Гл. 15.4** (Разделяемый порядок, продолжено применительно к экономике): *Kapitalismus — Eine Einführung* (готовится), Гл. 25
- **Гл. 16** (Что остаётся открытым): *Логика Гегеля – Логика мышления*, Гл. 13

глоссарий

Указания по использованию

Этот глоссарий не предназначен для того, чтобы его читали заранее. Понятия развиваются в книге на том, что обнаруживается при упорядочении, и тот, кто сначала заглядывает сюда, получает определение без пути, который к нему ведёт.

Он рассчитан на три случая: когда слово встречается в значении, отклоняющемся от обычного; когда кто-то читает не по порядку и поэтому пропустил введение; и когда кто-то хочет проверить, употребляется ли выражение в книге всюду одинаково.

Порядок: статьи расположены в алфавитном порядке; умлауты считаются как их основные буквы.

Тип указывает происхождение заглавного слова: *Наша методология* — для различений, которые эта книга и соседние с ней книги проводят специально; *общефилософский* — для выражений, которые введены в традиции и употребляются здесь в определённом смысле.

Развивается в отсылает к тому месту, где развивается понятие, а не к каждому его упоминанию.

Не имеется в виду стоит там, где нужно отвести напрашивающееся прочтение.

См. также указывает родственные статьи этого глоссария и, если понятие получает продолжение в одной из соседних книг, соответствующую статью там.

Аспект (нем. Hinsicht)

Тип: Общефилософский

Объяснение: То, на что смотрят, когда прикладывают это к тому. Каждый порядок имеет его, даже если не называют; другой аспект даёт из тех же вещей другой порядок.

Не имеется в виду: Нечто чисто субъективное. Аспект выбирают; то, что в нём показывает себя, не выбирают.

Разработано в: гл. 3.1, 3.3

См. также: Ряд и ячейка, Узор

Важность (нем. Wichtigkeit)

Тип: Наша методология

Объяснение: То, что считается в перспективе вопроса. Кто задаёт тот же вопрос, находит то же важным. Средний из трёх уровней того, что может означать «важно», и тот, который легче всего путают с двумя другими.

Разработано в: гл. 3.2

См. также: Срочность, Существенность

Внешний (нем. äußerlich)

Тип: Наша методология

Объяснение: Признак, лежащий на вещи лишь снаружи, как цвет и формат на книге. В общем порядок называется внешним, если он не следует из дела и потому не может сказать, почему его члены таковы.

Не имеется в виду: Непригодный. Алфавит внешний и для словаря в точности хорош; недостатком он становится лишь тогда, когда такой порядок принимают за порядок самого дела.

Разработано в: гл. 2.5, 4.1, 12.3

См. также: Ряд и ячейка, Мерило

Всеобщее, особенное, единичное

Тип: общефилософский

Объяснение: Три стороны, в которых должно находиться понимание, если оно должно быть полным. Всеобщее — это то, что во всех случаях одно и то же; особенное — то, что получается из него при определённых условиях: вовне — как роды, внутри — как части; единичное — действительный случай, в котором то и другое соединяются.

Не имеется в виду: три ступени иерархии или тройственная схема, которую следовало бы налагать на всякое дело. Насколько далеко простирается это членение, показывает само дело.

Развивается в: гл. 12.2, 12.3

См. также: саморазвёртывание, понятие, способ упорядочения; *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Глоссарий: Всеобщее (общности)

Доступ (нем. Zugriff)

Тип: Наша методология

Объяснение: Из одного места находить другое. Измеряется шагами и необходимым предварительным знанием. Поиск даёт доступ, но не обзор: он не показывает, что есть ещё.

Разработано в: гл. 2.3

См. также: Обзор, Ссылка

Классификация (нем. Klassifikation)

Тип: Общефилософский

Объяснение: Первый из пяти способов упорядочивания: порядок по вопросу «Какие есть виды?» (DE: „Was für Arten gibt es?“). Члены стоят рядом и исключают друг друга. Она ближе всего к сортировке; без сведения о том, какого вида вещь перед нами, нельзя указать ни её строение, ни её связь.

Разработано в: гл. 8.1

См. также: Правильное и хорошее деление, Способ упорядочивания

Когерентный обман (нем. kohärente Täuschung)

Тип: Наша методология

Объяснение: Порядок, который внутренне согласован и выказывает почти все знаки живого, но сортирует свой материал согласно заранее установленному толкованию, нуждается для каждого нового факта в новом дополнительном допущении и не может потерпеть неудачу ни на чём.

Не имеется в виду: Утверждение о скрытых действиях как таковое. Ошибка лежит в форме объяснения, а не в его предмете; сговоры бывают, и утверждение о них можно проверить, как любое другое.

Как распознать: По трём вопросам. Проникает ли объяснение в свой материал или сортирует его? Объясняет ли оно целые классы случаев из одного основания? Что должно было бы произойти, чтобы от него отказались? Те же вопросы действуют для официальной картины, как и для её противников.

Разработано в: гл. 15.3

См. также: Разрастающийся порядок, Механический и живой порядок, Фактическая, функциональная, понятийная связь

Композиция (нем. Komposition)

Тип: Общефилософский

Объяснение: Второй из пяти способов упорядочивания: порядок по вопросу «Из чего это состоит?». Части суть то, что они суть, лишь в целом, и у каждой есть задача, следующая из целого. Также части, структура.

Не имеется в виду: Разложение по материалу. Велосипед из стали, резины и пластика разложен, но не структурирован.

Разработано в: гл. 9.1, 9.2, 9.4

См. также: Классификация, Способ упорядочивания

Мерило (нем. Maßstab)

Тип: Наша методология

Объяснение: Вопрос, которым книга измеряет каждый порядок, включая саму себя: может ли он сказать, почему его члены таковы и почему они лежат так? Пока порядок не может указать своё основание, он лежит на деле извне.

Откуда он берётся: Не из образа дела, с которым сравнивали бы порядок, а из движения, в котором порядок терпит неудачу на деле и благодаря этому становится точнее.

Разработано в: гл. 1.3, 13.2, 16.4

См. также: Внешний, Саморазвёртывание

Механический и живой порядок (нем. mechanische und lebendige Ordnung)

Тип: Наша методология

Объяснение: Механическим называется порядок, части которого протекают без связи друг с другом и без вопроса «для чего». Живым — тот, части которого определяют друг друга и лишь в целом суть то, что они суть, и который сохраняется, меняясь на том, на чём терпит неудачу. У порядков, которые несут люди, это видно по тому, что можно сказать, для чего существует правило.

Не имеется в виду: Вопрос числа или строгости правил. В обслуживании самолётов или в судебном процессе строгие предписания суть живой порядок; мёртвым порядок становится от того, что никто больше не знает, для чего он действует.

Разработано в: гл. 15.1, 15.2

См. также: Когерентный обман, Остаток

Обзор (нем. Überblick)

Тип: Наша методология

Объяснение: Видеть, что есть и как оно связано, не просматривая всё по отдельности. Измеряется числом членов, которые нужно удерживать в голове.

Разработано в: гл. 2.3

См. также: Доступ, Сгущение

Обобщение (нем. Verallgemeinerung)

Тип: Наша методология

Объяснение: Узор большого охвата, который говорит, что совпадало в известных случаях, но не почему, и потому также не говорит, когда он не действует. «Практика делает мастера» (DE: „Übung macht den Meister“) — такое обобщение.

Разработано в: гл. 6.2

См. также: Принцип, Узор

Основание: пустое, произвольное, достаточное (нем. Grund: leer, beliebig, zureichend)

Тип: Общефилософский

Объяснение: Три ступени обоснования. Пустое основание повторяет дело под другим именем («она просто была нежизнеспособна» (DE: „sie war eben nicht lebensfähig“)). Произвольное выхватывает одно условие среди многих. Достаточное берёт все условия вместе, включая состояние самого дела.

Разработано в: гл. 7.1

См. также: Принцип, Умозаключение, Существенность

Остаток (нем. Rest)

Тип: Наша методология

Объяснение: То, чего не догоняет никакое сгущение: единичное, которое есть больше, чем случай своих узоров; осуществление, которое нельзя наблюдать, пока его осуществляешь; новое, для которого ещё нет ячейки. Порядок не должен его схватывать, но должен удерживать видимым.

Разработано в: гл. 4.3, 14.3

См. также: Сгущение, Ряд и ячейка

Отношение (нем. Relation)

Тип: Общефилософский

Объяснение: Третий из пяти способов упорядочивания: порядок по вопросу «С чем это связано?» (DE: „Womit hängt es zusammen?“). Также связь. Он нуждается в древе и сети одновременно; кто видит только соединения, уже не может сказать, что соединено.

Разработано в: гл. 10.1, 10.3, 10.5

См. также: Фактическая, функциональная, понятийная связь, Ссылка

Понятие (нем. Begriff)

Тип: Общефилософский

Объяснение: Всеобщее вещи, поскольку оно производит свои обособления из себя и становится действительным в единичном. Понятие числа имеет тот, кто видит, почему есть именно эти виды чисел.

Не имеется в виду: Только слово с его значением или определение, которое заучивают наизусть. В этом более слабом смысле книга употребляет слово тоже, например в гл. 12.5; более сильное есть то, к которому она ведёт.

Разработано в: гл. 12.2

См. также: Саморазвёртывание; Всеобщее, особенное, единичное; Система, систематический

Порядок (нем. Ordnung)

Тип: Общефилософский

Объяснение: Расположение, из которого можно что-то вывести: где что-то лежит, чего недостаёт, что взаимопринадлежит. Его самая малая форма — приложить это к тому и тем самым отделить от другого.

Не имеется в виду: Любое произвольное расположение. В куче листвы, наметённой ветром в угол, это тоже лежит при том, но из этого нельзя ничего вывести.

Разработано в: гл. 2.2

См. также: Обзор, Доступ, Сгущение

Правильное и хорошее деление (нем. korrekte und gute Einteilung)

Тип: Наша методология

Объяснение: Правильным деление является, когда его члены исключают друг друга и вместе покрывают целое. Хорошим — когда границы проходят там, где сам предмет создаёт различия.

Как распознать: Кто упорядочивает свои книги по цвету, тот разделил правильно и не схватил в книге ничего. Деление может потерпеть неудачу, не содержа логической ошибки.

Разработано в: гл. 8.2

См. также: Классификация, Внешний

Предрассудок

Тип: общефилософский

Объяснение: Сильное, быстрое сгущение, которое поступается именно теми различиями, на которые всё дело. Против этого помогает не меньше сгущать, а сгущать иначе: вернуть различия, которыми поступились, и проверить, какие из них на этот раз имеют значение.

Не имеется в виду: всякое ожидание, предшествующее проверке. Без него не вступили бы ни в один разговор; предрассудком оно становится лишь тогда, когда его уже нельзя исправить.

Развивается в: гл. 2.4

См. также: сгущение; *Истина* (2025), Глоссарий: Пред-суждение, *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Глоссарий: Образ другого

Принцип (нем. Prinzip)

Тип: Общефилософский

Объяснение: То, что порождает узор. Он говорит, при каких условиях узор возникает и где он кончается, и потому может применяться к случаям, которых никогда не видели.

Не имеется в виду: Принцип, который всё объясняет. Что ничего не исключает, то ничего не говорит.

Разработано в: гл. 6.1, 6.2, 6.3

См. также: Обобщение, Узор, Основание

Протекание (нем. Verlauf)

Тип: Общефилософский

Объяснение: Четвёртый из пяти способов упорядочивания: порядок по вопросу «Что движется и к чему?» (DE: „Was bewegt sich, und wonach?“). Также процесс. Он применяется там, где описание верно и всё же не попадает, потому что дело становится понятным лишь из своего становления.

Разработано в: гл. 11.1, 11.3

См. также: Ритм, Способ упорядочивания

разделяемый порядок

Тип: Наша методология

Объяснение: Унаследованное или совместно проверенное сгущение — от языка, в котором каждое слово есть готовый порядок, до понятий той или иной науки. Начинают не с единичных подробностей, а посреди уже имеющегося запаса порядков, которые создали другие.

Оборотная сторона: Даже ошибочные сгущения могут удерживаться сообща. В таком сообществе сначала утрачивается не правильность некоторого порядка, а возможность заметить его ошибку.

Развивается в: гл. 15.4

См. также: сгущение, связное заблуждение; *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Глоссарий: Учреждение

Разрастающийся порядок (нем. wuchernde Ordnung)

Тип: Наша методология

Объяснение: Порядок, который для каждого нового случая нуждается в новой категории, для каждого отклонения в исключении. Он охватывает всё и не объясняет ничего.

Разработано в: гл. 13.2

См. также: Когерентный обман, Мерило

Ритм (нем. Rhythmus)

Тип: Наша методология

Объяснение: Смена собирания и упорядочивания. Кто остаётся в собирании, не приходит к результату; кто упорядочивает слишком рано, получает результат, который не выдерживает материала. Смена идёт от дела.

Разработано в: гл. 11.4

См. также: Протекание

Ряд и ячейка (нем. Reihe und Fach)

Тип: Наша методология

Объяснение: Порядок по выбранному признаку: алфавиту, дате, области. Несколько признаков вкладываются друг в друга, ячейки в ячейки. Такой порядок даёт доступ, но не обзор, и должен удерживать остаток видимым.

Разработано в: гл. 4.1, 4.2, 4.3

См. также: Внешний, Доступ, Узор

Саморазвёртывание (нем. Selbstentfaltung)

Тип: Наша методология

Объяснение: Последний из пяти способов упорядочивания: порядок, в котором особенное получается из всеобщего при условиях и становится действительным в единичном. Он говорит, почему его члены таковы, и тем самым исполняет мерило книги, в степенях.

Не имеется в виду: Способ, который просто стоит рядом с четырьмя другими. Он принимает их в себя и даёт им их основание, где они его имеют; поэтому он стоит в конце.

Разработано в: гл. 12.1, 12.2, 12.6

См. также: Всеобщее, особенное, единичное; Понятие; Снятие; Мерило; Способ упорядочивания

Сгущение (нем. Verdichtung)

Тип: Наша методология

Объяснение: Многое представительствуется немногим. Техника называет это компрессией. Сгущение хорошо, когда из него можно вернуть то, на что это важно; о его ценности решает то, чем оно жертвует.

Не имеется в виду: Потеря, которой можно было бы избежать. Выбирать приходится не между потерей и отсутствием потери, а между потерями.

Разработано в: гл. 2.4, 14.1, 14.2

См. также: Предрассудок, Остаток, Обзор

Система, систематический (нем. System, systematisch)

Тип: Общефилософский

Объяснение: Целое, члены которого можно понять из одного основания. Мыслить систематически значит упорядочивать так, чтобы можно было сказать, почему члены таковы, знать, где этого сказать нельзя, и не обрывать движение, в котором порядок терпит неудачу на деле и становится точнее.

Не имеется в виду: Всякий твёрдый порядок. Система хранения по годам и отправителям упорядочена, но в этом смысле не есть система.

Разработано в: гл. 12.2, 16.4

См. также: Понятие, Мерило, Саморазвёртывание

Снятие

Тип: общефилософский

Объяснение: Принятие определения в более объемлющее, в трояком смысле: оно больше не имеет силы само по себе, оно сохраняется и стоит выше, потому что теперь обнаруживается, почему оно оказывается таким. Так роды, части, связи и процессы сняты в саморазвёртывании, где они имеют в нём своё основание, и каждая ступень книги — в следующей.

Не имеется в виду: упразднение. То, что снято, не исчезло.

Развивается в: гл. 12.6, 16.4

См. также: саморазвёртывание; *Истина* (2025), Глоссарий: Снятие, *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Глоссарий: Снятие

Способ упорядочивания (нем. Ordnungsweise)

Тип: Наша методология

Объяснение: Вопрос, который можно задать целому, и членение, которое он даёт. Книга находит пять: виды, части, связи, протекания и, наконец,

саморазвёртывание, которое спрашивает, почему ответы на четыре других таковы. Какой вопрос задан, видно по тому, чего недостаёт.

Не имеется в виду: Полный список. Что шестого нет, не показано.

Разработано в: Введение к части III, гл. 8–13

См. также: Классификация, Композиция, Отношение, Протекание, Саморазвёртывание

Срочность (нем. Dringlichkeit)

Тип: Наша методология

Объяснение: То, что сейчас занимает человека. Она относится к положению того, кто упорядочивает, а не к делу; когда положение проходит, она исчезает, а дело остаётся тем, чем было. Первый из трёх уровней того, что может означать «важно».

Разработано в: гл. 3.2

См. также: Важность, Существенность

Ссылка (нем. Verweis)

Тип: Наша методология

Объяснение: Соединение между двумя местами порядка. Она существует благодаря положению в структуре или благодаря делу, а благодаря делу — тремя способами: как то же самое дело, как то же в другом развитии или как противоречиво определённое. Ссылки дают доступ; обзор даёт порядок, от которого они ответвляются.

Разработано в: гл. 13.3

См. также: Доступ, Отношение

Существенность (нем. Wesentlichkeit)

Тип: Общефилософский

Объяснение: То, что делает вещь тем, что она есть, независимо от того, кто спрашивает и для чего. Точнее: часть её оснований, которая принадлежит ей самой, а не её обстоятельствам. Первая проверка: изменяется ли остальное, если изменяется это?

Не имеется в виду: Важность для вопроса. Многие споры о том, что существенно, суть споры между двумя вопросами.

Разработано в: гл. 3.2, 7.5, 8.1

См. также: Важность, Срочность, Основание: пустое, произвольное, достаточное

Узор (нем. Muster)

Тип: Наша методология

Объяснение: Повторение, которое находится в выбранном аспекте на деле, а не вкладывается в него. Узор есть предвосхищение, которое должно подтвердиться на следующем случае, и он остаётся открытым: никакое конечное число случаев его не закрепляет.

Не имеется в виду: Нечто, что лишь познание производит. То, что узор может быть ложным, показывает, что он не создаётся познанием. Равным образом не нечто, что просто имелось бы без аспекта познающего.

Разработано в: гл. 4.4, 5.1, 5.2, 5.3

См. также: Принцип, Обобщение, Аспект

Умозаключение (нем. Schluss)

Тип: Общефилософский

Объяснение: Форма, в которой можно записать достаточное основание. Оно гарантирует переход, а не исходную точку: кто признаёт посылки, должен признать вывод, но верны ли они, умозаключение не говорит.

Не имеется в виду: Особый вид основания рядом с достаточным.

Разработано в: гл. 7.3

См. также: Основание: пустое, произвольное, достаточное

Фактическая, функциональная, понятийная связь (нем. faktischer, funktionaler, begrifflicher Zusammenhang)

Тип: Наша методология

Объяснение: Три вида, как две вещи могут быть связаны. Фактически: наблюдается, но неизвестно, как возникает. Функционально: действие, которое говорит, что изменится, если вмешаться. Понятийно: связь, лежащая в том, что суть вещи, как у покупателя и продавца.

Как распознать: Большинство ошибочных выводов в мышлении в соотношениях суть смешения этих трёх, чаще всего фактическая связь, читаемая как функциональная. Вопрос «Кому выгодно?» устанавливает фактическую связь, а не план.

Разработано в: гл. 10.2, 10.4, 15.3

См. также: Отношение